

B372

P.34702

Александр Волков

ЧУЖАЯ

пьеса

Фридрих Вольф

Ч У Ж А Я

*Гьеси в четырех актах,
семи картинах*

Авторизованный
перевод с немецкого
Е. ЛАВРЕНОВОЙ

1 9 4 5
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
« И С К У С С Т В О »
Москва—Ленинград

Гурк № то 213/45

Слова художника
А. Соколова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Доктор Ваннер — главный врач хирургического отделения больницы, 32 лет.

Лили — его жена, врач, ассистент, 25 лет.

Г-жа Ваннер — его мать, жена медицинского советника, 55 лет.

Эрика — его сестра, помощница, 17 лет.

Доктор Клемм — его заместитель, врач штурмового отряда СС, 32 лет.

Доктор Риттер — врач, ассистент, 55 лет.

Фейхтенбейнер — больничный инспектор, 40 лет.

Дядюшка Эйген — лаборант, кандидат медицины, «вечный студент», друг отца доктора Ваннера, 60 лет.

Гастон — лаборант-рентгенолог, военнопленный, 35 лет.

Эйзенлоп — кровельщик, сапер, 50 лет.

Мамаша Биркле — владелица молочной лавки,
50 лет.

Франц — ее сын, новобранец, 18 лет.

Дрюмон — больной французский рабочий, 20 лет.

Вахмистр, санитар, эсесовцы, раненые.

Место действия — хирургическая клиника в немецком
городе.

Время действия — конец 1943 — начало 1944 годов.

А к т п е р в ы й

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Угол приемной комнаты и кабинета главного врача хирургического отделения городской больницы на юге Германии. Стены выкрашены белой масляной краской. Сверкающие шкафы с инструментами. Все сияет хирургической стерильностью. Угол приемной занимает, примерно, треть сцены; от кабинета главного врача она отделена дверью, обитой войлоком. За столиком, перелистывая журналы, сидят мамаша Биркле, могучая женщина, ее 18-летний сын Франц, с нервным тиком головы, и кровельщик Эйзенлор в поношенной форме сапера.

В кабинете главного врача, перед большим белым лакированным письменным столом, стоят дядюшка Эйген в лаборантской куртке и Гастон. На заднем плане, у широкого окна с молочными стеклами, на подоконнике висит множество рентгеновских снимков.

Гастон (*держит рентгеновский снимок против света*). Хватит ли у него еще времени для этого?

Дядюшка Эйген. Терпение, старина, я внушал ему, что у людей, которые ничего не делают, никогда нет времени, а люди, много работающие, всегда находят время.

Гастон. Я подумал об этом потому, что завтра он должен ехать на фронт.

Дядюшка Эйген. Допустим — должен... Каждый человек вправе играть собой, как футбольным мячом.

Гастон. Ну, поэтому, дядюшка Эйген, господин главный врач и записался добровольцем, хотя у него, как начальника отделения, была броня.

Дядюшка Эйген. И поэтому нам сажаят заместителем «липового» хирурга эсесовского врача. Я знаю этого молодчика, как свою мощну. В Тюбингене я его натаскивал по физике к государственным экзаменам, сам я был тогда кандидатом медицины и «вечным студентом»... Это были времена, шоп vieux¹, времена... (Поет.)

Vivat academia, vivant professores,
Pereat diabolus qui est antiburschicus².

Да здравствуют также студенческие поедин-

¹ Старина.

² Да здравствует академия, да здравствует профессура, да погибнет чорт, ненавидящий студентов.

ки, винный погребок Тюбингена и майские прогулки верхом в долину Некара... Куда, куда? Vanitas vanitatum¹. Воткнем слезку в пуговичную петлю! Что мне еще здесь остается делать, старой собаке?

Г а с т о н. Поскольку можно еще петь, дядюшка Эйген...

Дядюшка Эйген. Сегодня иные песни, шопраувгегагзон², иные юноши и девушки... В те времена я не столько смотрел на трупы в анатомическом театре и в профессорские фолианты, сколько в глаза профессорских дочурок... Мир высох без поэзии, без любви, и вы, господа французы, сегодня тоже лишь металлическое колесико в огромной стальной машине.

Г а с т о н. Значит, и мадам такое же колесико, если господин главный врач попросился на фронт... вопреки ее желанию?

Дядюшка Эйген. Мадам, мадам... Нынче люди женятся не на женщине, а на чем-то другом, чорт знает... И где дают осечку прелести мадам, там кончается и вмешательство дядюшки Эйгена. Ты ждешь его подписи?

¹ Суета-сует.

² Мой бедный мальчик

Гастон (*рассматривая пленку*). Нужно еще заверить несколько диагнозов.

Дядюшка Эйген. И мои истории болезни. Он отряхивается от всего этого, как пудель от воды... Но ты не улизнешь так легко от дядюшки Эйгена, мой мальчик! *Carpe fugientem!* (*Выходит левой дверью в приемную, там его останавливают пациенты.*)

Мамаша Биркле. Господин доктор, одно словечко!

Дядюшка Эйген. Не «господин доктор», просто дядюшка Эйген, «вечный студент».

Мамаша Биркле. Как может такой старый господин быть до сих пор студентом? Все равно? Но мне не все равно, когда мой Франц,— встань, Франц, перед господином! — когда Франц, захворав от бомбардировки тиком и потеряв два пальца, должен теперь отправляться на фронт. На что он там нужен, господин, такое большое дитя! Если бы у вас самого были дети, господин...

Дядюшка Эйген (*отмахиваясь*). Нет, нет, благодарю!

¹ Лови убегающего.

Мамаша Биркле. Господин, но у вас же была мамаша, и чувства старой матери...

Дядюшка Эйген. Достойная и почтенная мамаша, придержите язык, поберегите ваши слова для господина главного врача!

Эйзенлор. Я не стану распространяться, господин, я — кровельщик Эйзенлор. Вы припоминаете, — господин главный врач оперировал мне двустороннюю ущемленную грыжу, такую большую грыжу, как голова ребенка, а теперь я должен в середине зимы идти на восток с саперным строительным батальоном. Мне пятьдесят лет, до сих пор я служил в тыловых частях у себя в округе. Нег, послушайте, — я починил много железных крыш и много ванн печей, между прочим, и для господина больничного инспектора Фейхтенбейнера, понимаете, не посылая ему счета, говоря между нами, — и какая награда за это?..

Дядюшка Эйген. Так во имя трех чертей пошлите ему счет!

Эйзенлор (*испуганно*). Забудьте, что я вам говорил это, господин, забудьте...

Слева входит Лили — в докторском халате; стетоскоп и перкуссионный молоточек выглядывают из кармана, в руках несколько больничных листков.

Лили (*дядюшке Эйгену*). Пауль уже в кабинете?

Дядюшка Эйген. Я сам его ищу.

Мамаша Биркле. Мы все его ждем. У меня совсем опухли ноги от этой беготни и ожидания ради Франца.

Франц. Оставь, мать, я пойду на фронт — и баста. Одну-другую гранату я все же еще могу шлепнуть.

Мамаша Биркле (*гневно*). А я тебя могу нашлепать по заду, вшивец, и дать еще один раз по морде, ослиная голова! (*Лили.*) Не обращайтесь внимания на дурака, барышня!

Дядюшка Эйген. Вы слышите, Лили, старуха говорит вам комплименты! (*Мамаше Биркле.*) Мамаша, эта «барышня» — доктор.

Мамаша Биркле (*подобострастно*) Жена господина главного врача?

Лили (*улыбаясь*). Разве это плохо?

Дядюшка Эйген. Мужайтесь, мамаша! Вы можете все выложить докторскому сердцу фрау доктор; у меня же, старого пса **в груди** камень. *Ut di bene vertant!*¹ (*Уходит на лево.*)

¹ Пусть все обернется к лучшему.

Лили. Ваш сын страдает нервами?

Мамаша Биркле. Да еще два пальца потерял. Подумайте только, вот такое дитя без пальцев в неприятельской стране...

Эйзенлор. И я со своими пятьюдесятью годами на горбу, фрау доктор, и с двусторонней ущемленной грыжей, большой, как детская голова. И поскольку я специалист по отоплению и вентиляции, всегда готовый услужить в случае, если когда-нибудь фрау доктор будет нуждаться в ремонте...

Лили. Спасибо, я пока не нуждаюсь в ремонте, но я думаю, что вы должны лично переговорить с главным врачом! *(Идет направо в комнату главного врача.)*

Посетители приемной, как и вначале, занялись журналами, а мамаша Биркле принялась вязать.

И вы тоже его ждете, Гастон?

Гастон. Вас, мадам.

Лили *(тихо)*. Пожалуйста, впредь — «фрау доктор».

Гастон. Bien¹. Тогда тоже, пожалуйста, «господин Брюер».

Лили. D'accord². Вы уже видели этого, его преемника?

¹ Отлично.

² Согласна.

Гастон. Это должен быть эсесовский врач.

Лили. Врач штурмового отряда или что-то вроде этого. Пауль меня успокоил тем, что это его школьный товарищ.

Гастон. И вы успокоились?

Лили. Вы хотите подать Паулю рентгеновские снимки?

Гастон. Сначала вам, фрау доктор, поскольку это пациенты вашего стационара. Здесь пленка Пьера Лекерка с сильным затемнением верхушки правого легкого, очевидно, каверна.

Лили (*держит пленку против света*). Вы ошибаетесь, Гастон, *rapport monsieur Bruyère*¹ это снимок не Лекерка!

Гастон. Это снимок Лекерка; прочтите, пожалуйста, имя и номер!

Лили. Имя и номер были написаны меловым карандашом, можно было стереть и сделать новую надпись.

Гастон. Можно внести в больничный журнал новый результат осмотра, даже необходимо.

Лили. Необходимо?..

Гастон (*тихо*). Спасать от войны чело

¹ Простите, господин Брюер.

веческие жизни, всеми средствами сокращать эту войну, спасти соотечественников, патриотов.

Лили (так же). Mon dien¹, Гастон, я ведь вас не раз просила: я не могу дальше идти с вами; я понимаю ваш патриотизм, я уважаю его, но сама я аполитична, совершенно аполитична. Я клянусь вам, я — врач и жена врача, понимаете вы, немецкого врача...

Гастон. Если я не ошибаюсь, мадам, вы родились в Лионе, на Роне, где сегодня льется кровь рабочих, протестующих против принудительной отправки в Германию.

Лили. Молчите вы, ради бога!

Гастон (проникновенно). Вы помните солнечные холмы вокруг Лиона, у серебристо-зеленой Роны, которая течет к виноградникам и оливковым рощам на склонах Прованса; ваш пациент Лекерк день и ночь мечтает об этом. Старая болезнь легких, которая усилилась в Германии, не уменьшила пыла его мечтаний. Понимаете ли вы это, мадам?

Лили. Если я это и понимаю... я не пойду дальше с вами, Гастон, я не могу, я не хочу постоянно менять, как прически, ре-

¹ Господи!

результаты осмотра больных, диагнозы, для того чтобы ваши патриоты могли попасть обратно во Францию; я люблю своего мужа, я не могу больше продолжать эту двойную игру с ним и обманывать его.

Гастон. В таком случае вы должны сказать ему правду.

Лили. Вы с ума сошли?

Гастон. Почему?

Лили. Он должен будет об этом сообщить!

Гастон. И разоблачить вас и себя?

Лили. Ах, вы полагаете так?

Гастон. Разве я делаю это для себя?

Лили. Нет, Гастон, но не перегните дуги!

Гастон. Pardon¹, мадам, если я слишком много требовал.

Лили. Ах, Гастон, не изображайте сожаления или сочувствия. В математике вашего патриотического мышления таких вещей не существует. Я же читаю в ваших глазах вопрос: если бы он в самом деле любил свою молодую жену, попросился бы он тогда на фронт? Я правильно угадываю, Гастон?

Гастон. Мадам поразительно читает мысли.

¹ Простите.

Лили (*смотря на него*). А если его желание идти на фронт ни в малейшей степени не оскорбило моих чувств?

Гастон. Как?

Лили. Если я целиком согласна с тем, чтобы он попал на фронт?

Гастон. Служить в гитлеровской армии?

Лили. Как хирург, помогать там раненым. Там настоящее место для его энергии, его темперамента, его врачебных дарований.

Гастон. Врачебные дарования!.. Помогать!.. Блистательно, мадам! (*Страстно.*) И какие раненые? И для какой цели? Делать гитлеровских солдат опять боеспособными — это значит вольно или невольно затягивать войну на месяцы или годы, страны превратить в пожарища, а нашу Францию — в кладбище! Каждая француженка должна сегодня понять это и восстать против того, чтобы хотя один гитлеровский солдат попал снова на фронт!

Лили (*задумчиво*). Может быть, если с ним поговорить?

Гастон. Подождите!

Лили. Вы сами убеждали, что я должна ему сказать правду.

Гастон. Это было испытание.

Лили. Зачем?

Гастон. Для того, чтобы вы ничего не говорили.

Лили. Вы считаете, что он не сможет понять нас?

Гастон. Не сможет! Он — немец, естественно, не нацист, поскольку вы — француженка, но немецкий врач. *(Проникновенно.)* Если бы вы смогли еще спасти Пьера Лекерка и Жана Карпантье, хороших людей, хороших французов, которые здесь погибли и которые нужны Франции. Если бы вы хоть ради них дали ему на подпись эти результаты рентгена...

Лили *(мучаясь)*. Я не могу, Гастон...

Голоса справа.

Гастон *(быстро)*. Мадам, мы рассчитываем на вас!

Лили. Я буду пытаться его убедить...

Гастон. И выдать нас?

Лили. Тихо! *(Берет один из рентгеновских снимков и рассматривает его против света.)*

В приемную поспешно входят: доктор Пауль Ваннер, человек атлетического сложения, доктор Клемм, в форме врача штурмовых отрядов СС, надетым поверх докторским халатом, и больничны

инспектор Фейхтенбейнер, не человек, а тонна. Мамаша Биркле и Эйзенлор вскочили и бросились к доктору Ваннеру.

Мамаша Биркле. Наконец-то, господин главный врач...

Эйзенлор *(одновременно)*. Господин главный врач, вы помните еще, конечно, мою операцию... кровельщик Эйзенлор, двусторонняя ущемленная, величиной с детскую голову, грыжа... «Классический случай! — сказал господин главный врач. — Мы вмешались в самый острый момент!»

Доктор Ваннер. А как мы вмешались, Эйзенлор, что? Убрали детскую голову?

Мамаша Биркле *(возбужденно)*. Все убрали!.. Убрали Францу два пальца. Встань, Франц! Разве эта трехзубая кривая вилка — рука? Что должен делать этот безрукий ребенок там, на фронте?

Доктор Клемм. Ага, вот откуда веет ветер!

Мамаша Биркле. Да, господин, оттуда дует ветер, и в легких мамыши Биркле еще много ветра, смотря по обстоятельствам!

Доктор Клемм. Веселая здесь музыка, как я вижу.

Мамаша Биркле. Если вы это называете веселой музыкой, господин...

Фейхтенбейнер *(строго)*. Возьмите себя в руки, госпожа Биркле, этот «господин» — временный заместитель главного врача, так ориентировочно обстоит дело.

Доктор Клемм. Оставьте ее, господин инспектор! Женщина должна спокойно сказать, что у нее на сердце.

Мамаша Биркле. Правильно сказано, господин заместитель! Ваше сердце понимает горе матери, и поэтому я скажу! Разве должен этот комок страданий, этот ребенок с половиной руки и трясущейся головой идти побеждать русских?

Доктор Клемм. Он должен и будет, моя милая. Не беспокойтесь! Фронт чудодейственно влияет на слабые нервы. Это знаем мы, врачи. Когда идут в атаку, тогда трясущаяся голова садится на плечи крепко, как чугун.

Франц. Уж я-то буду придерживать врагов, господин доктор! Я был левым нападением в футболе.

Доктор Клемм. Bravo, молодец парень!

Мамаша Биркле. Недорослы! Ослиная голова! Идиот! *(Стискивает его.)* Франц,

дитя мое, мое единственное дитя, у меня же никого нет, кроме тебя, я не дам тебя погубить, я не пущу тебя туда!

Доктор Клемм *(меняя тон)*. Не ведите здесь таких разговоров, сударыня! Я запрещаю вам это! *(Эйзенлору.)* Ну, а вы, что еще с вами?

Эйзенлор. Недавно оперированная двусторонняя грыжа, огромная, как голова ребенка, господин штабной врач.

Доктор Клемм. Великолепно! Движение на свободе чрезвычайно укрепит мускулатуру живота и предотвратит рецидив.

Эйзенлор. Не желая быть назойливым, напоминаю, что я в строительном саперном батальоне, где нужно поднимать тяжести...

Доктор Клемм *(строго)*. Подымайте вы тяжелое, подымайте легкое, подымайте, что хотите, но только не воображайте, что мы вам поднесем войну, как жирную жратву, по вашему хотению. На передовой сегодня мы нуждаемся в каждом человеке, в каждом пальце, прямой он или кривой, большой или маленький, слабый или сильный! А чего нам не нужно, так это нытиков, швабры и дезертиров! Полагаю, мы поняли друг друга!

Мамаша Биркле *(в отчаянии)*. Но

что же будет с моим мальчиком, господин доктор?

Доктор Клемм (*ядовито*). Мне кажется, вы меня отлично поняли, сударыня! Господин инспектор, впредь таких экземпляров я бы не желал здесь видеть.

Фейхтенбейнер выталкивает обоих Биркле и
Эйзенлора

Поистине восхитительный прием, Пауль!

Доктор Ваннер. Я нарочно не вмешивался, Ганс, чтобы тебе сразу стала ясна картина.

Доктор Клемм. Горячо признателен! Но эта картина быстро переменится в корне, ручаюсь!

Доктор Ваннер. Я думаю, война длится слишком долго.

Доктор Клемм. Ты думаешь...

Он идет с ним направо, в комнату главного врача, где за столом над больничными листками сидит Лили. Гастон приводит в порядок рентгеновские снимки.

Доктор Ваннер. Ну, что там, Лили? Лили (*вставая*). Несколько дополнений и подписей.

Доктор Ваннер. Простите, я забыл. (*Представляя их друг другу.*) Доктор Ганс

Клемм, штабной врач, мой заместитель, старый школьный друг, университетский товарищ и соперник в ухажерстве за прелестными мешаночками, mais il n'y a pas une motif d'être jalouse, ma chérie¹, а это — Лили, моя жена и любимая женщина! Ассистент терапевтического отделения. Dixi!²

Доктор Клемм. Необычайно рад с вами познакомиться, сударыня! Пауль восторженно отзывался о вас.

Лили. Пауль любит преувеличивать.

Доктор Ваннер. Ты сам убедишься, Ганс, прав ли я! Но я вижу строгие морщинки на лбу моей богини. Ты должен знать, Ганс, что Лили в работе больше чем добросовестна, она просто фанатик... Она всегда старается...

Лили (*с больничными листками*). Здесь два случая язвы желудка, и, возможно, надо будет перевести в другое отделение еще одного больного с tbc для торакопластики.

Доктор Ваннер. А что у вас, Гастон?

Гастон. Я подожду, пока фрау доктор...

Доктор Ваннер. Новые снимки? Дай-

¹ Но это не повод для ревности, моя дорогая.

² Сказано!

те сюда! *(Берет их, читает.)* Пьер Лекерк, Жан Карпантье... *(Держит пленку против света.)* Да, это колоссальная каверна... Пьер Лекерк... Ваши соотечественники, Гастон, как будто плохо переносят немецкий климат.

Доктор Клемм. У вас есть французские пациенты?

Доктор Ваннер. Несколько рабочих из Лиона.

Доктор Клемм *(указывая на Гастона)*. А этот?

Доктор Ваннер. Гастон у нас лаборант в рентгеновской лаборатории, военнопленный, во Франции он работал в госпитале. При нехватке у нас квалифицированной силы, ты понимаешь...

Доктор Клемм. А что вы делаете больными французами?

Доктор Ваннер. Терапия или хирургия, смотря по обстоятельствам.

Доктор Клемм. Я думаю; Пауль, мы попрежнему дьявольски сентиментальны.

Доктор Ваннер. В конце концов люди заболевают у нас на работе.

Доктор Клемм. А наши немецкие юноши и девушки у станков, они сегодня все не выглядят цветущими; только они стис-

кивают зубы, они не ноют от всякого вздора; французы же — комок нервов развинченный...

Г а с т о н. Pardon, господин штабной врач, рабочий Пьер Лекерк жалуется на туберкулез, у него...

Д о к т о р К л е м м. Разве я спрашивал ваше мнение? Чего доброго, мы должны будем этому месье Лекерку делать парафиновую пломбу или торакопластику? А здесь у этого месье Карпантье *Ulcus ventriculi*?¹ Это можно лечить после войны, поскольку это не излечивается мгновенно.

Л и л и. Вы хотите предоставить это течение обстоятельств, коллега?

Д о к т о р К л е м м (*грубо*). Там, коллега, тысячами валяются здоровые немецкие люди, люди-дубы! А мы должны при нашей скудости в койках и материалах поднимать такую суетню из-за гнилых французских легких и дырявых желудков?

Л и л и. Я думаю, коллега, что здесь, в клинике, мы прежде всего врачи, и если этот француз, работающий на нас...

Д о к т о р В а н н е р (*быстро*). Само собой разумеется, Лили, человек должен и

¹ Язва желудка.

будет здесь лечиться! Ты должен понять, Ганс...

Доктор Клемм. Понимаю! (*Гастону.*)
Вы можете идти!

Гастон уходит налево. Короткое молчание.

В случае, если коллеге придется преодолеть трудности...

Доктор Ваннер. Глупости, Ганс! Лили работает со мной уже три года.

Доктор Клемм. Собственно говоря, достаточный срок, чтобы переключиться.

Доктор Ваннер (*оживленно*). Это уже давно случилось, Ганс, давно случилось. Всякая дискуссия излишня, правда, ведьмочка? К тому же Лили достаточно благоразумна, чтобы не знать, куда повернется колесо истории и где проявится ее сила.

Доктор Клемм. Я думаю, что эта сила особенно должна действовать на женщину! Разве история и жизнь не дают тому множество доказательств?

Лили (*взглянув на него*). Множество, коллега.

Доктор Клемм. И Пауль познает еще свои возможности, когда приложит неиспользованные здесь силы на передовой линии!

Лили. На передовой линии?

Доктор Ваннер (*поспешно*). Ты не должна понимать буквально, Лили; я буду работать хирургом во фронтовом лазарете.

Доктор Клемм (*неуклюже*). Разве ты не полковой врач гренадерского танкового полка?

Лили (*испуганно*). Но Пауль мне всегда говорил...

Доктор Клемм. Вы не считаете за честь для мужчины находиться на передовых позициях?

Лили (*возбужденно*). А вы находите позорным, что жена боится за жизнь мужа?

Доктор Клемм. Немецкая жена!..
Прошу прощения.

Доктор Ваннер. Немецкий муж — немецкая жена. С этим кончено, старый филин! Сегодня есть сегодня! Ты придешь вечером к нам на отвальную и увидишь, какой веселый и храбрый малый Лили! Решено!

Слева входит инспектор Фейхтенбейнер.

Фейхтенбейнер. Разрешите, если не помешаю?

Доктор Ваннер. Что там еще?

Фейхтенбейнер. Остается в силе перевод троих терапевтических в хирургическое?

Доктор Ваннер (Лили). Два с язвой желудка и одна торакопластика?

Фейхтенбейнер. Два француза и молодой Лемле.

Доктор Клемм. Я отказываю французам.

Доктор Ваннер. Минуту, Ганс. Сегодня я еще начальник тут и намерен сам заняться распределением больных. А кроме того, мне спешно надо посмотреть рентгеновские снимки.

Фейхтенбейнер. Это наши три последние резервные койки, господин главный врач.

Доктор Ваннер. Мы тебя поняли, господин инспектор! Между прочим, вы можете показать господину штабному врачу рентгеновский кабинет и ортопедическое отделение. Я думаю, тебя это заинтересует, Ганс?

Доктор Клемм. А как ты думаешь?

Доктор Клемм и Фейхтенбейнер уходят налево.

Доктор Ваннер (взял рентгеновские снимки, не рассматривая их). Будь немножко благоразумней, Лили! Ты ведь моя рассудительная маленькая жена, моя изворотливая ведьмочка, мой остроумный стратег!

Ганса тон врача штурмового отряда, а сейчас — война! (*Приближаясь к ней.*) Это ведь понимает моя умная ведьмочка? И к тому же ведьмочки всё могут, они, так сказать, разновидность волшебниц, которые тоже в состоянии справиться с сильнейшими мужчинами.

Лили (*смотрит на него*). Ты думаешь?

Доктор Ваннер. Я знаю: чего захочет моя ведьмочка, то сбудется.

Лили. Однако ты немало требуешь от меня, Пауль...

Доктор Ваннер. Как?

Лили. Зачем ты попросился на передовые в гренадерский танковый полк?

Доктор Ваннер. Меня туда командировали.

Лили. Зачем же ты мне сказал, что будешь работать только в полевом или этапном лазарете?

Доктор Ваннер. Потому что я не хотел тебя волновать, ведьмочка (*тихо*), потому что я тебя люблю!

Лили. И все-таки ты попросился отсюда.

Доктор Ваннер. Я думаю, что эта тема у нас уже в прошлом.

Лили (*скрывая волнение, берет больничные листки*). Да, эта тема уже в прошлом.

Доктор Ваннер. Господи, Лили! Ты же знаешь, что я — страстный хирург. Как раз много тяжелейших случаев черепных и внутренних ранений совсем не доходят в тыл, а оперируются там же, на передовых, а сюда поступают только легкие случаи, куриный навоз; я же сижу здесь, за две тысячи километров от фронта, как старая песочница.

Лили. Я понимаю тебя, Пауль...

Доктор Ваннер. Я же знал.

Лили (*обнимает его, вне себя*). Но я боюсь за тебя, так ужасно боюсь!

Доктор Ваннер (*ласково*). Что же со мной может случиться, моя милая, любимая, любимейшая ведьмочка! Я буду сидеть на перевязочном пункте в полной безопасности, носа зря не стану высовывать. Я обещаю тебе это. Впрочем, мы сложены недурно! (*Потягивается, выпятив грудь*.) С парочкой пуль и осколков я еще справлюсь, а через полгода приеду в отпуск.

Лили. Через полгода?.. Это чересчур долго.

Доктор Ваннер (*смеясь*). Ах ты, моя миленькая ведьмочка! Ты все еще так влюблена! (*Прижимает ее к себе*.)

Лили (*вырываясь*). Совсем я не влюблена!

Доктор Ваннер (*тихо напевая*). L'amour l'enfant de la Bohême.. et encore plus de la Provence!¹ В твоих белокурых волосах, ma chérie, горит солнце устья Роны. (*Опять берет пленку.*) Какие желания сегодня у моей ведьмочки в последний день моего могущества? (*Держит пленку против света.*)

Лили. Спокойно поговорить с тобой четверть часа.

Доктор Ваннер. Сегодня вечером...

Лили (*взволнованно*). Сейчас! Немедленно!

Доктор Ваннер. Капризы, Лили? Капризы — не желания!

Лили (*вдруг*). Хорошо. (*Берет у него рентгеновские снимки, смотрит на него.*) Желания нужно исполнять, не рассуждая.

Доктор Ваннер. Ага, оба француза должны быть в хирургическом стационаре? Угадал?

Лили. Угадал.

Доктор Ваннер. Где больничные листки?

¹ Любовь — дитя Богемии... а еще более Прованса.

Лили. Здесь. (Опять кладет их на стол.)
Доктор Ваннер (пишет, проверяя пленки). Пьер Лекерк... каверна с грецкий орех, верхушка правого легкого... предложена парафиновая пломба или увольнение по нетрудоспособности... Жан Карпантье, желудок, как песочные часы, *Ulcus ventriculi*. (Подписывает.) Довольна?

Лили кивает.

(Смеясь.) Чего ведьмочка хочет, то сбывается!

Доктор Риттер, маленький, горбатый человек, идет через приемную.

Доктор Риттер. Прошу прощения, господин главный врач, мне неясен вопрос о переводе в наш стационар...

Доктор Ваннер (перебивая). Все ясно, как день.

Доктор Риттер. Ваш заместитель, господин штабной врач, распорядился...

Доктор Ваннер. Ребята, в последний день вы непременно хотите всякой блажной чушью испортить мне настроение. Коллега Риттер, вы с самого начала пришли не по душе моему заместителю, потому что вы

сами хотели быть моим преемником! Положа руку на сердце — верно?

Доктор Риттер. Целесообразнее было бы этот вопрос поставить раньше.

Доктор Ваннер. Вы знаете, я не решаю этого один.

Доктор Риттер. Правильно. Однако у вас никто не отнимал права предлагать. И я спрашиваю себя, после того как я проработал пять лет первым ассистентом, после того как мои знания не уступают знаниям этого коллеги...

Доктор Ваннер (*нетерпеливо*). Глупости, пожалуйста, без самоуничижения, нос вверх, и не изображайте себя слишком маленьким, мой великан! Все будет прекрасно. Вы — счастливчик!

Доктор Риттер. Я нахожу, что вы сегодня в блестящем настроении.

Доктор Ваннер. В общем, как всегда. Правда, Лили? Это называется — настроение? Сложение, здоровье, сила! Все начинается со здоровья! Мы, врачи, должны отдавать нашим больным некоторую часть своей силы, а иначе на что мы годны?

Доктор Риттер. Я понимаю — тогда «великан», конечно, не очень подходящий врач и заведующий отделением.

Доктор Ваннер. Ну, довольно, коллега, психоанализ — не моя специальность. Не станет и ваш час! Выше нос! Простите мою торопливость! *(Шутя поднимает его и выносит налево в дверь.)* Я жду вас сегодня вечером на мою отвальную!

Доктор Риттер. Большое спасибо господин главный врач.

Лили. Ведь вы придете, коллега?

Доктор Риттер. Конечно, я хотел бы как можно больше воспользоваться силой настроением вашего супруга. *(Уходит налево.)*

Лили. Зачем ты его оскорбил?

Доктор Ваннер. Оскорбил?

Лили. Ты не очень-то ласково обошел с «великаном».

Доктор Ваннер. Но, ведьмочка, по ми же, если я называю этого маленько честолюбивого и несколько назойливого гнома моим «великаном», то этим самым даю ему, во-первых, заслуженный щелчок по носу и одновременно выправляю ему крестец, и несмотря ни на что, он слушает мои комплименты не без удовольствия.

Лили. Ты, действительно, большой знаток людей...

Доктор Ваннер *(потягиваясь)*. На

пец-то вон из этого куриного навоза, где на каждом шагу наступаешь на мозоль, на свободный воздух, в даль!

Слева входят дядюшка Эйген и Эрика в белом халате.

Эрика. И если даже вы пойдете гулять на руках, дядюшка Эйген, и при этом будете барабанить ногами торжественный марш, все-таки он сто раз прав!

Дядюшка Эйген. Дитя мое, у меня нет никакого желания ходить на руках и барабанить ногами торжественный марш.

Доктор Ваннер. Три тысячи чертей, что там опять случилось?

Эрика. С завтрашнего дня ни французы, ни какие-либо другие больные иностранцы приниматься больше не будут!

Доктор Ваннер. Болтовня!

Эрика. Нет, Пауль, он не болтает — новый начальник. (*Восторженно.*) В каждом слове у него выстрел, приказ. Он говорит: это так, и это становится так. Мирово! Он мог бы мне сказать, что я должна прыгнуть с колокольни, и я сделала бы это!

Дядюшка Эйген. Почему ты непременно хочешь прыгать с колокольни?

Эрика. Потому что мне надоело вечно

ползать тут, среди кротов и старых петухов. А там, наверху, гремят самолеты, там, на фронте, грохочут танки! «Конец иностранной сволочи здесь, в клинике!» Вот это своевременное слово, свежий ветер!

Доктор Ваннер. Я думаю, нужно еще принюхаться к этому свежему ветру.

Эрика. Оставь его, Пауль, оставь его. Он — чудесный!

Доктор Ваннер и Эрика быстро уходят налево. Лили хочет уйти вслед за ними.

Дядюшка Эйген (*удерживая ее*). Оставайтесь, Лили, вам там нечего делать.

Лили (*взволнованно*). Я принадлежу ему, я же должна...

Дядюшка Эйген. Тихо, Лили, послушайте дядюшку Эйгена! Бывают моменты когда нужно вмешаться, но бывают моменты, когда вмешиваться нельзя.

Лили (*нерешительно*). Когда же бывает этот и когда тот момент, дядюшка Эйген? У меня сегодня нет хорошего чутья.

З а н а в е с

А к т в т о р о й

КАРТИНА ВТОРАЯ

Столовая в доме доктора Ваннера с примыкающим к ней зимним садом, который занимает четверть правой стороны сцены и отделен живой изгородью из плюща, образующего балюстраду. Мебель из черного дуба, во вкусе зажиточных бюргеров, доставшаяся от покойного медицинского советника Ваннера, портрет которого написанный маслом, во весь рост, в докторском халате, висит на задней стене, над диваном. Налево — рояль. Направо — в глубине уголок для курения с карточным столиком и тремя кожаными креслами. Справа — впереди — у балюстрады, маленький круглый кожаный диван, над которым простираются ветки высокой комнатной липы.

За роялем сидит дядюшка Эйген; он играет, время от времени пьет и тихо напевает старую студенческую песню:

Вино улетучилось, песня смолкает,
Брожу я вокруг одиноко, безмолвно,

А волны, гонимые ветром, вздыхают,
Кольнутся в море шумящие волны...

Посередине комнаты стоит доктор Клемм в форме врача штурмовых отрядов СС и беседует с Эрикой, которая держит в руке черную лакированную коробочку.

Эрика. Это действительно чудесная коробочка, господин штабной врач! Какой легкий черный лак, как черное дерево, и эта так тонко нарисованная тройка мчащихся коней с белой, красной и золотой гривами. Это из России?

Доктор Клемм. Из Киева. Она вам нравится?

Эрика. Очаровательная! Вы пользуетесь ею как табакеркой?

Доктор Клемм. Нет, отныне она принадлежит вам.

Эрика. Мне? Ни в коем случае! Вы же купили ее для себя.

Доктор Клемм *(рассмеявшись)*. Купил? Они стоили нам дешевле вишневых косточек! *(Вкладывает ей в руку коробочку.)* В воспоминание этого первого вечера!

Эрика. О, но...

Слева входит г-жа Ваннер в темнолиловом шелковом платье. Эрика быстро прячет коробочку.

Г - ж а В а н н е р. Эрика, мужчины сейчас захотят курить; спроси же, не хотят ли они пива или коньяку?

Э р и к а. Есть, мама!

Г - ж а В а н н е р. И посмотри, где прячется Лили; она должна сказать Паулю, чтобы он не пил так неудержимо!

Э р и к а. Сейчас, мама! *(Уходит налево.)*

Д о к т о р К л е м м. Прелестная девчурка! Хорошо, что ваша дочь сейчас при вас, госпожа медицинская советница.

Г - ж а В а н н е р. Да, да, без Эрики, после отъезда Пауля, дом был бы почти мертв.

Д о к т о р К л е м м. Прошу прощения, я совсем забыл о супруге Пауля.

Г - ж а В а н н е р *(оглядываясь)*. Мне кажется, вы ничего не забыли.

Д о к т о р К л е м м. В самом деле, я давно не видел Пауля.

Г - ж а В а н н е р *(с горечью)*. О, и вы, Ганс, ничего не смогли бы в этом изменить! Вы же знаете Пауля, он лезет напролом, он никого не слушается, даже своей матери.

Д о к т о р К л е м м. Если я не ошибаюсь, он ассистировал тогда в Страсбурге?

Г - ж а В а н н е р. Да, у страсбургских хирургов хорошая репутация. Уже отец Пауля

работал там ассистентом; все шло бы хорошо, если бы... ну, вы понимаете...

Доктор Клемм. Фрау Лили ассистировала тоже в страсбургской клинике?

Г-жа Ваннер. Конечно... mademoiselle Lili Voileau тоже ассистировала там.

Доктор Клемм (*после короткого молчания*). Это было, конечно, перед войной?

Г-жа Ваннер. Естественно.

Доктор Клемм. А во время войны не было никаких трудностей?

Г-жа Ваннер (*возбужденно*). Не спрашивайте меня, Ганс! Я об этом не знаю, я ничего больше не знаю, женщина его просто околдовала! (*Направляясь к дивану.*) Прошу вас, посидим немного! Она всех околдовывает. Нынешняя молодежь, пожалуй, назовет это чарами, а я называю помрачением мозгов. (*Влево.*) Посмотрите только, как Пауль пьет. Он опрокидывает один бокал за другим! Он просто потерял разум и волю!

Доктор Клемм. И тем не менее он добровольно идет на фронт.

Г-жа Ваннер. Добровольно? Может быть, это она послала его на фронт, чтобы иметь возможность свободнее жить здесь! О Она не была бы француженкой! Ганс, верьте мне, я лучше знаю эту даму! Если она

Паулю или любому мужчине говорит: «я этого хочу!» и при этом пристально на него посмотрит, он исполняет всякое ее желание, даже если это поведет его к гибели.

Доктор Клемм. Интересно.

Г-жа Ваннер. Это ужасно, жутко, она мне совершенно чужда! Неужели Пауль непременно должен был жениться на чужестранке?

Входит доктор Ваннер с доктором Риттером, которого он волочит, схватив за фуку.

Доктор Ваннер (*здорово подвыпивши*). Я просто вам не верю, мой дорогой рыцарь. Такой человек, как вы, и без голоса? Исключено! Мама, ты ведь хочешь песню в честь меня? Слышите, рыцарчик, мама приказывает петь!

Доктор Риттер. Но я, право же, не умею петь, коллега.

Доктор Ваннер (*все еще волоча его за собой*). Дядюшка Эйген, ты слышишь, доктор Риттер хотел бы спеть соло! Слово за домашней капеллой. Только что-нибудь душещипательное, господин директор, отвечающее настроению!

Дядюшка Эйген. Что-нибудь душе-

щипательное, отвечающее настроению? Fiat¹.
(Играет и поет.)

Что б мир нам завтра ни принес,
Хотя б хлопот изрядный воз,
Хоть пир, хоть гнев господний,

Доктор Ваннер (*присоединяясь*).

Хоть молний блеск, хоть бури тень, —
Сегодня нам покорен день,
Сегодня есть сегодня.

Ребята, что вы все так угрюмы и сидите уныло, как гробовщики? Где же Лили?
(*Доктору Клемму.*) Ганс, ты — черный дьявол, чтоб ты не смел самостоятельно делать операции, ибо ты в этом ни бум-бум... и чтобы ты тут с моим первым ассистентом, моим любимым великанчиком обращался перво-классно...

Г-жа Ваннер (*вставая*). Что с тобой, Пауль?

Доктор Ваннер. Ничего, мама, ничего! Это значит — молний блеск, бури тень! А степной ветер свистит мне в уши, воздух, простор, свобода... (*Схватывает Клемма.*) Понимаешь ты меня, Ганс, ты, сухая вобла?..

¹ Да свершится.

Доктор Клемм. Я думаю, Пауль, тебе следовало бы подержать голову под крапом!

Доктор Ваннер. Кто должен держать? Я — сухую воблу одной рукой в воздух! *(Поднимает его и опускает.)* Ты думаешь, что два бокала вина опрокинут Пауля? Кто там смеется! Тоже чорт! Сегодня я еще начальник! *(Вынимает часы.)* Еще не полночь, точно 23 часа 42 минуты. Сегодня я еще распределяю доступ в мой стационар, и будь это даже французы, понимаешь ты?

Дядюшка Эйген *(быстро вступая в разговор)*. Почему вы не продолжаете петь, Пауль? Домашняя капелла ждет! *(Берет его под руку, поет.)*

Мы здесь собрались для веселых забав,
Так что же, братишки, — бибамус...

Пойдем, мой мальчик, оставь молекул беситься! Да здравствует сегодня! Остальное — не в счет!

Доктор Ваннер. Да, дядюшка Эйген, сердечный брат мой, я полечу с тобой через холмы и высоты, через степи, степи...

Идут налево.

Г-жа Ваннер (*дядюшке Эйгену*). Он не должен больше пить; побудьте с ним.

Дядюшка Эйген с доктором Ваннером уходит налево.

Доктор Клемм. Таким я его никогда еще не видел.

Г-жа Ваннер. Извините, господа, я сама уж больше ничего не понимаю. Пауль скоро опять будет в порядке. Эрика, Эрика, где же Лили? (*Уходит налево.*)

Доктор Клемм. Смешно! Раньше он мог выпить целый сапог. Неужели женщина его так опрокинула?

Доктор Риттер. Мне кажется, вы должны были сегодня утром заметить...

Доктор Клемм. Что он придавал такое значение этим французским калекам?

Доктор Риттер. Странное значение, не правда ли, особенно, когда,— как это сделал я сегодня пополудни,— сравнить рентгеновские снимки с прежними результатами осмотра в больничных листках.

Доктор Клемм. Осмотр там,— осмотр здесь! Пощадите меня, по крайней мере, хотя сегодня.

Слева входит Эрика с подносом, на нем графин коньяком и ликерные рюмки. Поднос она ставит на карточный столик.

Эрика. Лили еще не появлялась?

Доктор Клемм. Появлению фрау Лили вы придаете чрезвычайное значение, фрейлен Эрика?

Эрика. Я? Тогда вы меня плохо знаете! Но она такая!.. Она там заперлась наверху, Пауль здесь заливает себе за галстук один бокал за другим, и это называется прощальным праздником! Да, да, во время войны все возможно!

Доктор Клемм. Даже больше, чем все, фрейлен Эрика!

Доктор Риттер. Больше, чем все... это уже высшая математика.

Доктор Клемм (*резко*). Пожалуйста, не путайтесь в разговор!

Доктор Риттер (*с поклоном*). Мне кажется, я мешаю. (*Идет направо в зимний сад.*)

Эрика. Больше, чем все! Прекрасно сказано! Больше, чем все... Эта война — развязывание максимума человеческой мощи, не правда ли?..

Прекрасней смерти в мире нет,
Чем пасть в бою с врагами...

так ведь начинается одна из наших народных песен. (*Достает маленькую книжечку.*)
Посмотрите, я тут записала,

Доктор Клемм. Ваш дневник?

Эрика. Да, это мой лучший друг, я ему все доверяю. И вы тоже должны мне написать хоть одно слово!

Доктор Клемм. Я лучше пишу ножом или пистолетом! (*Просматривает дневник, читает.*) «Сегодня она опять была наедине с Гастоном в рентгеновской лаборатории; она сказала очень возбужденно: «Это последний раз, я не могу дальше идти с вами! Потом...» А! Речь идет о фрау Лили?

Эрика. Нет, пожалуйста, нет! Это вы не должны читать! Напишите мне туда красивое изречение — и все...

Доктор Риттер стоит за изгородью, подслушивая разговор.

Доктор Клемм (*пишет в альбом*).
Ваше желание было для меня приказом
маленькая Эрика!

Эрика (*читает*).

Мы дальше проходим маршем,
Пусть все летит кувырком!
Сегодня Германия наша,
А завтра весь мир возьмем.

Чудесно! Это всегда поет наша молодежь.

Доктор Клемм. А завтра это будет петь весь мир!

Слева входит доктор Ваннер с дядюшкой Эйгеном.

Доктор Ваннер. Довольно философствовать, дядюшка Эйген, приведи мою душу в гармоническое кипение, старый римлянин, сегодня мир — опьяненная звезда! Будем петь, танцовать!

Дядюшка Эйген. Жизнь нужно принимать легче, чем она есть, легче воздуха, если надо взлетать...

Доктор Ваннер. Примем это, дядюшка Эйген, примем!

Дядюшка Эйген. Только для этого мотор должен работать на полных оборотах, яснее голова и полнее пульс!

Доктор Ваннер. Полнее пульс! Кто в этом сомневается, вы, недоноски? *(Сбрасывает свой пиджак, засучивает рукава. Доктору Клемму.)* Должен я кого-нибудь, когда-нибудь поднять на воздух легче воздуха?

Эрика *(бросается между ними)*. Пауль!

Слева входят г-жа Ваннер и Лили, на ней элегантное вечернее платье.

Г-жа Ваннер. Ради неба! Держите его!

Лили (*спокойно подходя*). Что с тобой Пауль?

Доктор Ваннер. Лили?

Лили. Ты мне обещал прощальный танец Пауль.

Доктор Ваннер. Да.

Лили (*улыбаясь*). Только почему ты снял пиджак? Ведь не акробатический танец?

Доктор Ваннер - (*поднимает с пола свой пиджак, надевает его*). Прости!

Г-жа Ваннер. Не хотят ли мужчины сыграть в карты?

Лили. А дамы должны смотреть? Я думаю, мама, что и вы не откажетесь потанцевать с Паулем или с кем-нибудь?

Г-жа Ваннер. Я не танцую больше после смерти моего мужа.

Лили. О, мама, я глубоко убеждена, папа радовался бы, увидя вас веселой. Ведь вы наверняка, прекрасно танцуете. И к тому же это прощальный вечер Пауля, и сегодня нужно исполнять каждое его желание...

Г-жа Ваннер (*строго*). Пауль сам этого не может захотеть.

Доктор Ваннер. Почему же нет, мама! Почему нельзя доставить Лили удовольствие, тем более, что она специально надела бальное платье и хотела потанцевать!

Г - жа Ваннер. Лили, кажется, в превосходном настроении.

Лили (*подчеркивая*). В превосходном настроении, мама. (*Вновь овладевая собой.*) Я убеждена, мама, что и вы придете в прекрасное настроение, когда Пауль и другие будут веселиться. Неправда ли, Пауль?

Доктор Ваннер. Несомненно! Дядюшка Эйген, домашняя капелла! Вальс!

Дядюшка Эйген. Итак, Пауль, последний танец... легче воздуха. (*Играет.*)

Эрика (*тихо доктору Клемму*). Видите, насколько он у нее под башмаком!

Доктор Клемм. Поглядим!

Г - жа Ваннер (*Лили*). Я нахожу, что ты сегодня одета очень вызывающе.

Лили. Пауль любит, когда я хорошо выгляжу.

Г - жа Ваннер. И ты, конечно, хочешь во что бы то ни стало ему понравиться?

Лили (*улыбаясь*). Во что бы то ни стало, мама.

Доктор Ваннер (*ей, кланяясь*). Ну, ведьмочка?

Лили. Только, пожалуйста, не слишком бурно.

Доктор Ваннер. Благочестивый танец ведьм!

Танцуют вальс.

Доктор Клемм (*Эрика*). Могу я просить?

Эрика. С удовольствием!

Танцуют.

Доктор Ваннер (*в танце*). Ты красива, Лили!

Лили. Я тебе нравлюсь, Пауль?

Доктор Ваннер. Больше, чем когда либо.

Лили. Ты меня очень любишь?

Доктор Ваннер. Ах, я в отчаянии. Лили! Что будет с нами обоими?

Проходят в танце.

Г-жа Ваннер (*доктору Риттеру*). Вы не танцуете, господин доктор?

Доктор Риттер. Немного, сударыня но вы понимаете... одного природа одарила щедро, другого...

Г-жа Ваннер. Мой дорогой доктор, может быть, хоть раз нужно было бы об этом забыть!

Доктор Риттер. Другие заботятся том, чтобы я не забывал.

Дядюшка Эйген (*все еще играя*)

Доктор Риттер, сюда! Я больше не могу, я свалюсь сейчас со звуковой лестницы! На помощь! Вы же играете, у вас есть даже рояль в вашей каморке! Будьте моим секундантом. *(Сажает его на стул.)*

Доктор Риттер. Я не знаю, получится ли? *(Играет.)*

Дядюшка Эйген. *Benissime*¹. *(Наклоняясь к г-же Ваннер.)* Аделе?

Г-жа Ваннер. Что это с вами?

Дядюшка Эйген. Как давно, давно... *(Увлекает ее в танце.)*

Г-жа Ваннер. Но люди...

Дядюшка Эйген. Тогда мы оба мало считались с людьми...

Г-жа Ваннер *(сухо)*. Но я тогда положила конец нашим отношениям.

Дядюшка Эйген. И я начал пить и стал тем, что я есть, — «вечным студентом»...

Г-жа Ваннер. Вы никогда не стали бы ничем иным.

Проходят в зимний сад.

Эрика *(в танце)*. В России вы тоже танцевали, господин штабной врач?

Доктор Клемм *(напыщенно)*. Еще как! Танец гранат... кругом грохотали штур-

¹ Великолепнейше.

мовые пушки. Однажды я видел человека, сделавшего свой последний прыжок без головы, тогда промчались по воздуху валькирии...

Эрика. Ах, я хотела бы хоть на время стать мужчиной!

Проходят в танце.

Доктор Ваннер (*в танце*). Правда, ты для меня приделалась, ведьмочка?

Лили. Только для тебя.

Доктор Ваннер. Мама, конечно, думает, что ты хочешь меня обольстить.

Лили. Хочу, любимый, хочу! Сегодня и каждый день!

Доктор Ваннер. А завтра? Я готов выть!

Лили. Тише, дорогой, давай танцевать, танцевать до бесконечности.

Г-жа Ваннер (*стоит с дядюшкой Эйгеном в зимнем саду*). Замолчите же вы!

Дядюшка Эйген (*в упоении*). Потому что я тогда верил в человека, в силу чувств. Помните ли вы еще, как я в Тюбингене с моей скрипкой карабкался на высокую печную трубу, напротив вашей спальни каморки, чтобы вам сыграть „Grämerei“ Шумана.

Г-жа Ваннер. Это было безумно, неслыханно!

Дядюшка Эйген. Чудесная мелодия, неправда ли? Скажите, Аделе, достаточно ли страстно я тогда ее играл,—это единственный вопрос. Чувствуете ли вы еще волшебную летнюю ночь над долиной Некара?

Г-жа Ваннер. Я тотчас же закрыла окно! Вы не можете этого отрицать.

Дядюшка Эйген. Да, вы захлопнули окно,—я чуть не свалился с трубы. Вы закрыли вашу собственную жизнь и жизнь юного глупца.

Г-жа Ваннер (строго). Прошедшее ушло. Наши дети сегодня живут новой жизнью.

Дядюшка Эйген (задумчиво). Сегодня, как тогда.

Г-жа Ваннер. Как?

Дядюшка Эйген (взволнованно). И наши дети тоже позволяют красть свою жизнь сегодня, как тогда; тут едва уловимая разница. И у наших детей так же нет мужества для жизни, а только печальное мужество для смерти, мрачное и дурное мужество! Нет, послушайте меня, Аделе! Я недавно видел фото одного нашего юношеского лагеря, над ним была надпись: «Мы родились, чтобы умереть за Германию!» (Горячо.) Неужели же действительно эти десяти-

летние мокроштанники каждый день должны читать эту бессмыслицу?

Г - ж а В а н н е р. Должны!

Дядюшка Эйген. Положа руку на сердце, Аделе, вы для этого родили Пауля!

Г - ж а В а н н е р (*возмущенно*). Я думаю вы окончательно пьяны! (*Прошуршала платьем в столовую.*)

Дядюшка Эйген. Держись крепко дядюшка Эйген! Не падай с печной трубы!

Музыка смолкла. Доктор Риттер встал из-за рояля
Пары стоят вокруг.

Доктор Ваннер. Что здесь случилось ребята? Дядюшка Эйген, старый музыкант новый вальс! Вторично начинаем наполнять наши бочки! (*Склоняется перед г-жей Ваннер.*) Мама! (*Через плечо, доктору Клемму.* Ганс и Лили...

Доктор Клемм (*Лили*). Могу я просить.

Лили (*руки у висков*). Вы должны извинить, я переутомлена, кружится голова.

Г - ж а В а н н е р. Этого надо было ожидать!

Эрика. Неслыханно!

Доктор Ваннер (*отведя Лили в сторону*). Ты не хочешь танцевать?

Лили. Всегда, до бесконечности... с тобой.

Доктор Ваннер (*вскипев*). А если я тебя попрошу, серьезно попрошу, настаиваю, требую, с моим другом Гансом...

Дядюшка Эйген (*взяв несколько аккордов, вскочил из-за рояля, направился к доктору Ваннеру*). Постой, мой мальчик! Сбор! Лошади уже подседланы! Я готов к праздничной отходной песне!

Доктор Ваннер. И к прощальной праздничной канонаде! Дядюшка Эйген, старый стрелок! Твой револьвер, Ганс!

Г - ж а Ваннер. Боже мой, что ты затеваешь, Пауль?

Доктор Ваннер (*держа револьвер Клемма, открывает небольшое окно в задней стене, через которое виден занесенный снегом сад*). Видишь еловую шишку, дядюшка Эйген? Помнишь, раньше ты мне часто сбивал груши с ветки с первого выстрела? Еловая шишка там, наверху, дядюшка Эйген, с ледяной бородой, сбей мне ее, пожалуйста.

Г - ж а Ваннер. Комнату заносит снегом!

Дядюшка Эйген становится, правую руку с револьвером кладет на кулак левой, целится, стреляет.

Доктор Ваннер. Ура! Попал!

Доктор Клемм. Боже мой! В еловую шишку!

Лили. Вы поистине артист-стрелок, дядюшка Эйген!

Дядюшка Эйген (*с преувеличенным поклоном*). Старые навыки моих рыцарских времен. Ну, теперь за рояль, рыцарчик. Стройте ряды! Дамы — вперед, мужчины — в арьергарде! Вперед, за мной! (*Берет бутылку коньяку, как дирижерскую палочку, и поет.*

Доктор Риттер аккомпанирует.

О нынешнем дне, что нам должно изречь?

Я мыслю лишь — эрго бибамус.

Он может упасть нам на плечи, как меч...

За новое в жизни — бибамус.

С пением все, кроме доктора Риттера и Лили, уходят.

Доктор Риттер (*вставая*). Если я не ошибаюсь, пожалуй, нужно было исполнить походный солдатский марш? (*Кланяясь*). *Voilà, madame!*. (*Уходит налево.*)

Лили при последних словах вздрагивает и прислушивается.

Доктор Ваннер и дядюшка Эйген входят слева.

Дядюшка Эйген. Уф, ну и потрудились же! И я порядочно-таки устал, мой мальчик! Вино, жизнь, мои 60 лет...

Доктор Ваннер (*обнимает его*). И

¹ Добрый вечер, сударыня.

друг и любовь! Ты останешься еще'немного с нами, дядюшка Эйген, правда, Лили?

Лили. Дядюшка Эйген может оставаться всегда.

Дядюшка Эйген. Так,—старой собаке позволяют, по крайней мере, расположиться здесь... (*опускается в кресло у игорного стола*) и немного промочить глотку. (*Наливает стаканчик.*) Дети, да здравствует прожитая жизнь!

Доктор Ваннер. Ого, дядюшка Эйген, жизнь не бывает прожитой. Она должна всегда оставаться живой.

Дядюшка Эйген. Должна бы оставаться, мой мальчик, должна! Но смотри, не падай с печной трубы, Пауль. Видишь ли, вот в чем дело! Мужество, мальчонок, мужество! Эспадроны, фехтовальные залы, война... пхе! Всегда мужество для смерти, никогда мужество для жизни! (*Наливает еще стаканчик, пьет.*) А тогда я должен был бы продолжать играть до тех пор, пока не лопнули бы оконные стекла, понимаешь... потому что жизнь священна, чрезвычайно священна и потому что для этого нужно необыкновенное мужество и глаза нужно держать открытыми, мой мальчонок... а у Ганса, черного эсесовского парня, дурной глаз, косой

взгляд гнены, которая любит мертвечину, не жизнь, ибо для жизни нужно мужество... столько мужества, дети... *(Голова его опускается и никнет.)*

Доктор Ваннер. Какой только путаницы он ни наплел!

Лили. Разве уж так путано?

Доктор Ваннер. Про эскадроны в Тюбингене, про серенаду на печной трубе для моей матери и про Ганса со взглядом гнены. Ну, если тебе тоже не симпатичен эсесовский офицер, Лили, все же Ганс — мой друг, мой гость, это ты должна понять!

Лили. Может быть, ты меня тоже немного поймешь, Пауль?

Доктор Ваннер. Разве я не делаю этого, ведьмочка? *(Ведет ее вперед, к дивану у зимнего сада, на который они опускаются.)* Разве я не исполняю каждое твое желание по мере возможности? Разве я двух твоих французов не перевел в хирургическое только ради тебя?

Лили *(оживленно)*. Ты это сделал ради меня, Пауль, это хорошо. Но я все же думаю, Пауль, и ты это поймешь, что таким образом они далеко не уйдут, завлекая сюда людей из чужой страны, заставляя их надрываться тяжелой работой, чтобы потом,

когда они заболевают, ругать их «развинченными истериками»!

Доктор Ваннер. Ты не должна понимать это буквально, ведьмочка; вы ведь действительно несколько разные люди.

Лили. Да, это так, Пауль... «несколько разные люди». Эти французские рабочие нежно любят свои пологие зеленые холмы у Роны, мягкий, серебристый воздух над виноградниками, солнце Прованса. *(Гордо.)* Однако это не значит, что мы не умеем также и бороться, когда это касается большого дела! Мой народ доказал это уже сто пятьдесят лет тому назад, когда он смело поставил свою жизнь на карту и сбросил цепи!

Доктор Ваннер. И все-таки, разве вы не очень любите наслаждаться жизнью?

Лили. Да, мы любим наслаждаться жизнью. Разве это ошибка, что мы не хотим умирать за отдаленный мираж?.. Не всегда же только умирать, умирать, умирать...

Доктор Ваннер *(раздраженно.)* Лучше жить и танцевать?..

Лили. Конечно, лучше жить и танцевать...

Доктор Ваннер. Даже если муж едет на верную смерть?

Лили *(глядя на него)*. О, муж едет на большую работу, на которой, среди тысяч

раненых, может полностью проявить себя как врач... Я ведь понимаю.

Доктор Ваннер. Ты думаешь, вероятно, что пули будут обходить меня?

Лили. Пули в тебя не попадут.

Доктор Ваннер (*взволнованно*). Ты будешь и тогда продолжать танцевать?

Лили. Если ты будешь мне это запрещать...

Доктор Ваннер (*вскакивая*). Наоборот! Танцуй, только, танцуй!

Лили (*приближаясь*). Послушай меня Пауль...

Доктор Ваннер (*вспыльчиво*). Я знаю я знаю! Я знаю тебя насквозь! Это бальное платье с драгоценностями и глубоким вырезом на спине — великолепно! Тебя будут обожать, и ты будешь счастлива, в то время как я буду лежать там, в грязи и огне! Нет, нет, не возражай! (*Вне себя.*) И другие тоже будут здесь счастливы цветущей жизнью и тобой!

Лили (*печально, иронически*). Ты меня действительно насквозь знаешь, Пауль!

Доктор Ваннер. И ради этого идешь на смерть!

Лили (*тихо*). Остайся, Пауль!

Доктор Ваннер. Ты очень хороша

знаешь, что это не выйдет. Зачем ты меня мучаешь?

Лили (*сдерживаясь*). Я тебя мучаю, любимый? И я переоделась лишь для того, чтобы танцевать и блистать, правда? Но, Пауль, я тебя ждала наверху, очень тебя ждала, потому что мне невыносимо было принимать участие в этом шуме и вышивке и терять драгоценные минуты, потому что я хотела с тобой поговорить. Пауль, ты должен, наконец, меня совсем понять, не только любить, Пауль, но глубоко меня понять, меня, мою сущность, мою жизнь, мою страну, моих соотечественников... Почему я так чувствую, а не иначе (*в большом возбуждении*), почему я должна была так поступить, как я сделала, а не по-другому...

Доктор Ваннер (*лишь наполовину слушая*). Ясно, я же понимаю тебя, Лили. Но никто не осмелится попрекнуть жену находящегося на фронте старшего врача Ваннера ее французским происхождением.

Лили (*в отчаянии*). Пауль, если я тебе скажу, что рентгеновские снимки обоих французских рабочих... что эти оба француза обладают священным правом вернуться в свою страну, если я тебя буду умолять...

Доктор Ваннер. Только, пожалуйста,

без истерики, Лили. Этой вашей специальности я, в самом деле, не понимаю.

Лили смотрит на него, молчит.

Я думаю, мы очень устали, Лили. *(Идет направо.)*

Лили *(к нему)*. Ради бога, Пауль, не так. Не так!

Доктор Ваннер *(нетерпеливо)*. Какие собственно, еще страшные вещи ты мне хочешь сказать и я должен буду их тащить с собой на фронт?

Лили *(в большом напряжении, которую она пытается преодолеть)*. Да, Пауль, возможно, ты прав, это бессмысленно. Как сказал дядюшка Эйген: надо быть легким, легче воздуха! И однажды мы ведь были такими, топ сегі. Ты уже совсем больше не помнишь, как мы сидели в нашей студенческой каморке в Страсбурге, высоко, над серо-голубым морем старых крыш, перед старой башней собора, и как мы толковали о боге, о мире, о нашей работе, об интересных случаях, профессорах...

Доктор Ваннер. И потом ты брала вдруг Беранже, Верлена или Альфреда де Мюссе и читала мне...

Лили. А с Рейна полз туман, и луна подмигивала нам из-за башни собора...

C'était dans la nuit brune,
Sur le clocher brun.
La lune
Comme un point sur un n.

Доктор Ваннер. И однажды черная кошка бежала через дорогу, и мы поклялись идти туда, куда она пойдет, во что бы то ни стало....

Лили. Тогда еще не было войны...

Доктор Ваннер. И кошка побежала в булочную...

Лили. Мы за ней, и купили булочек; потом она опять прыгнула на улицу...

Доктор Ваннер. И скрылась к часовщику...

Лили. Ты купил эти ручные часы, потому что ведь мы не могли сказать, что пришли к нему из-за кошки...

Доктор Ваннер. В конце концов она помчалась прямо к Илю. «Мы должны будем за ней в речку, в Рейн», — крикнула ты, но она прыгнула в лодку...

Лили. Ты отчалил с нами обеими, с кош-

¹ Это было темной ночью, над темной колокольней, луна была, как точка над i.

кой и со мной; вода блестела при луне, как матовое серебро, потому что ее покрывала легкая вуаль тумана, и где-то лежала Франция, и Германия, и Швейцария, и Италия и ты поднял весло и очертил круг по воле духу: куда нам плыть — и мы решили Италию...

Доктор Ваннер. В Италию! Правильно, мы еще там будем, ведьмочка, я тебе это обещаю!

Лили (*испуганно*). Нет, нет, Пауль, ничего больше не обещай! В течение пяти лет ты мне каждый год обещал освободиться, как-нибудь и попутешествовать со мной.

Доктор Ваннер. Что же я, цепная собака, могу сделать, ведьмочка? Ты же знаешь это лучше всех: приглашение в клинику день и ночь жизнь хирурга, конгрессы, изучение литературы, всегда работа, работа, суета... и потом война.

Лили (*глядя на него*). И потом смерть не забудь это в твоём расчете, Пауль; это сюда же относится. (*Дотронулась до его руки. Вдруг.*) Что это?

Доктор Ваннер. Что?

Лили (*отстраняясь от него*). Что это с твоей рукой, с твоей правой рукой? Ледяная как мертвая!

Доктор Ваннер. Теперь уж ты фантазируешь, ведьмочка.

Лили (*проводя рукой по лбу*). Что это было?

Доктор Ваннер. Правая мертвенно-холодная? (*Берет три табуретки, составляет из них башню, берет нижнюю за ножку и рывком поднимает башню кверху, смеясь.*) Мертвенно-холодная? Доказательство! (*Опускает башню вниз, прижимает к себе Лили.*)

Лили. Пауль, ты задушишь меня...

Доктор Ваннер (*страстно берет ее за голову, долго целует, потом как бы пробудившись*). Боже мой, Лили, что со мной?

Лили (*напряженно*). Что?

Доктор Ваннер (*взяв себя в руки*).
Ничего.

Лили (*тихо*). Ты меня еще любишь, Пауль?

Доктор Ваннер. Ах, Лили, разве я тебе не говорил сотни раз?

Лили. Говори мне это тысячи раз, Пауль! Скажи мне еще раз, что ты меня любишь.

Доктор Ваннер. И если я это скажу?

Лили. Это звучит так ласково, так нежно, так хорошо; скажи это еще раз, Пауль!

Доктор Ваннер. Мы выговариваем это слово труднее, чем вы, Лили.

Лили (*смотрит на него, качает головой*)
Мы — вы! (*Устало садится на диван и тыч
напевает.*)

Combien j'ai douce souvenance
Du joli lieu de ma naissance.
Ma soeur, qu'ils étaient beaux ces jours de
France.
O, mon pays sait mes amours—toujours¹.

Доктор Ваннер. Я прошу тебя, Лили
оставь сейчас эти песни; они нехороши, те
более когда меня не будет. Подумай, ты
здесь, в этой стране...

Лили (*кивает*). Чужая.

Доктор Ваннер. Этого я не сказа
Лили. Только ты здесь — не в стране тво
песен и твоих мечтаний; это все. Оставь ж
лания и мечты, Лили! Будь смелой! (*Встает*)
Ах, завтра начинается новая жизнь!

Лили (*глядя перед собой*). Завтра, за
тра...

Занавес

¹ Сколько у меня сладких воспоминаний о т
красном месте, где я рождена. Сестра моя, как
роши были эти дни Франции. О, моя страна з
что я люблю ее навсегда.

А к т т р е т и й

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кабинет главного врача и приемная клиники, как и в первом акте. Весна. Сквозь верхнюю часть окна видны голубое небо и зеленые верхушки деревьев клинического сада. Доктор Риттер и инспектор Фейхтенбейнер рассматривают на свет две большие рентгеноплёнки.

Фейхтенбейнер. Вы утверждаете, — эти две пленки идентичны?

Доктор Риттер. Несомненно, господин инспектор! Присмотритесь, здесь каверна направо сверху — это снимок токаря по металлу Бейерле, который был сегодня на повторном осмотре. А этот, с такой же точно каверной, должен быть снимок легких французского рабочего Пьера Лекерка. Даже контуры ребер чрезвычайно схожи!

Фейхтенбейнер. Значит, оба снимка Бейерле?

Доктор Риттер. Очевидно... потому что я лишь сейчас сделал контрольный снимок.

Фейхтенбейнер. А кто ставил сигнатуру на пленке Лекерка?

Доктор Риттер. Лаборант Гаст Брюер.

Фейхтенбейнер. А заносил в больничный листок?

Доктор Риттер. Фрау доктор и господин главный врач Ваннер.

Фейхтенбейнер. Чудовищный акт саботажа!

Доктор Риттер. Оригинальный метод.

Фейхтенбейнер. Рафинированный метод: лишать нас французской рабочей силы. Так ориентировочно обстоит дело.

Доктор Риттер. Правда, Лекерку и пригодилось это: он не вернулся больше в Францию, а остался на бойне под ножом господина штабного врача. Вам нужно было бы только видеть, как он кромсал! При резке ребер костными щипцами он как раз повредил ткань легкого. Он рассматривал этого француза как подопытного кролика.

и, кроме того, хотел «дать ему урок», как он сам выражался.

Фейхтенбейнер. Он ведь не оперирует немецких пациентов?

Доктор Риттер. Только простые случаи. Сложные операции делаю я.

Фейхтенбейнер. По способностям, доктор, главным врачом отделения должны были быть вы! (Тихо.) Это хорошо, доктор, что вы обратили внимание на этот саботаж; в этом вы раскаиваться не будете! Я подозреваю, что в нашей клинике, за этой маленькой французской группой, скрывается целая организация, которая играет большую роль. Поэтому было бы безумием уже теперь захватить ее и арестовать этих двух-трех саботажников, прежде чем не раскрыты нити, ведущие к организации.

Доктор Риттер. Если господин штабной врач нас не обгонит.

Фейхтенбейнер. Я знаю, он бушует тут кругом, как бегемот в фарфоровой лавке. Поэтому мы должны одни, втихомолку собрать весь материал. Если мы раскроем это дело, доктор,— мы вдвоем,— то убьем огромного бобра; я стану тогда не только инспектором этой больницы, но ответственным референтом общегородской санитарной служ-

бы, а вы, как главный врач, получите отделение.

Доктор Риттер. Это будет не так легко.

Фейхтенбейнер. Если будет доказано, что он, как ответственный начальник, проморгал этот акт саботажа, в то время как мы его раскрыли...

Доктор Риттер. И что он бежит за юбкой фрау Лили...

Фейхтенбейнер. Врач штурмового отряда СС в сетях французской саботажницы... превосходно! Во всяком случае оба эти снимка я спрячу в надежном месте! *(Прячет их в свой портфель.)*

Доктор Клемм с Лили проходит через приемную.

Доктор Клемм. Этот пациент Бейерле был в вашем отделении?

Лили. Полгода назад.

Доктор Клемм *(в кабинете главного врача, доктору Риттеру)*. Бейерле здесь для повторного обследования? Каковы данные осмотра?

Доктор Риттер. Каверна, видимо, закрылась и больше не активна.

Доктор Клемм. Видимо? У вас же есть пленка.

Доктор Риттер. Я не совсем в курсе дела, господин штабной врач.

Доктор Клемм (*резко*). Вы должны быть в курсе всех случаев отделения! Если вы думаете, что вы здесь вечно будете ходить по избитой тропе, то вы жестоко ошибаетесь!

Доктор Риттер. Я думаю, мы прежде неплохо оперировали, господин штабной врач.

Доктор Клемм. Разве я вас об этом спрашивал? Что вы киснете здесь, как зародыш в банке! Принесите мне снимки Бейерле, и моментально!

Фейхтенбейнер. Господин штабной врач, только что прибыл с фронта новый транспорт с ранеными... неотложные случаи.

Доктор Клемм. Какие случаи неотложны, господин инспектор, определяю я!

Фейхтенбейнер и доктор Риттер уходят налево.

Ну и тон царит в этой клинике! Все кричат, как в утятнике! Во всяком случае, фрау Лили, вы представляете здесь похвальное исключение.

Лили молчит.

Доктор Клемм. К тому же вы безукоризненно говорите по-немецки. Где вы научились?

Лили. В Париже, Гренобле и Страсбурге.

Доктор Клемм. А где вы сдавали государственные экзамены?

Лили. Ради Пауля — в Фрейбурге.

Доктор Клемм. Это звучит не очень радостно.

Лили молчит.

(Вызывающе.) Не находите ли вы слишком великодушным жестом, что мы здесь, в нашей больнице, лечим французских рабочих? Правда, в последнее время французские пациенты больше не поступают в хирургическое из вашего отделения.

Лили. В последнее время для этого не было ни одного подходящего случая.

Доктор Клемм. Разве я хоть чуточку виноват в том, что многие ваши соотечественники, как и Лекерк, оставались у меня под ножом? *(Цинично.)* Если французы сделаны из менее прочного материала, чем немцы?

Лили. Пауль все же умел на этом «менее прочном материале» делать удачные операции.

Доктор Клемм. На прекрасной основе! Пауль мог раньше изучить этот ценный материал в своей личной жизни! (*Приближаясь к ней.*) Ибо, фрау Лили, если для мужчины является недостатком отсутствие твердости, то для женщины — это огромное преимущество.

Лили (*идет к двери*). Я осмотрю пациента Бейерле...

Доктор Клемм (*загораживая ей дорогу*). Я поручил это доктору Риттеру. А вы, фрау Лили, вы учились в Париже... Ах! Я вполне понимаю, что каждый француз хотел бы жить в Париже. Впрочем, и я тоже изучал там некоторые дисциплины, а больше всего науку жить, правда, только во время войны. Чорт! Эти парижанки, это гибкое очарование... истые царицы жизни и любви!

Лили. Не находите ли вы, что парижанки нынче накладывают странный отпечаток на свою любовь?

Доктор Клемм. Почему?

Лили. Потому, что я недавно читала, как эти «царицы жизни и любви» стреляют в немецких офицеров.

Доктор Клемм. Где бы это ни случилось, моя дорогая, там они были схвачены,

стиснуты клещами, и в этом вы можете мне поверить.

Лили (*сдерживаясь*). Я безусловно вам верю,—эти очаровательные парижанки были расстреляны и повешены.

Доктор Клемм. Можем ли мы иначе поступать?

Лили (*глядя в глаза*). Нет, вы не можете иначе поступать.

Доктор Клемм (*издеваясь*). Ну вот и в этом мы опять с вами целиком одного мнения, фрау Лили, в особенности, когда я пою хвалебную песню очаровательным французенкам. (*Хватает ее руки.*) Я просто преклоняюсь перед прекрасной дамой!

Лили (*защищаясь*). Вы с ума сошли!

Доктор Клемм (*прижимает ее*). Сопротивление увеличивает прелесть!

Лили. Пауль! Пауль! (*Вырываясь.*) Подумали ли вы хотя одно мгновение о Пауле, вашем друге?

Доктор Клемм. Не будем сентиментальны! Сейчас война. На фронте гибнут наши люди десятками тысяч, а мы здесь — живем... каждому свое! Наконец, как долго вы не получали от Пауля известий?

Лили (*в ужасе*). О, вот откуда вы черпаете храбрость!

Доктор Клемм. Как?

Лили (*овладевая собой*). Да, уже шесть недель я не получаю вестей от Пауля. Обычно же письма приходили каждые три дня. Конечно, это ужасное кровавое сражение, которое неистовствует сейчас на Украине, задерживает почту.

Доктор Клемм. Однако шесть недель... для него, сфიცера штаба...

Лили (*тихо*). Может быть, он ранен?

Доктор Клемм. Тогда вы получили бы телеграмму из лазарета.

Лили. Боже мой, значит...

Доктор Клемм. Я же вам сказал, у войны свой закон — живут, умирают, забывают, многого не спрашивают...

Лили (*смотрит перед собой, говорит, как в забытьи*). И все же он жив! Вокруг него чад от дыма и огня, все сгрудилось вместе: машины, танки, орудия, солдаты, раненые... все в одно месиво... огонь, льется кровь... Дай мне твою руку, Пауль. Не левую, а правую...

Доктор Клемм. Что это значит?

Лили (*впиваясь в него взглядом*). А у вас на лбу написана смерть...

Доктор Клемм (*испуганно*). Не говорите глупостей!

Лили. Запекшаяся кровь на вашем лбу, ваш рот хочет крикнуть и не может больше...

Доктор Клемм. Я больше не могу? *(Схватывает ее.)* Ого, я еще многое могу, ты, проклятое, колдовское создание!

Эрика, которая вошла в приемную, останавливается и подслушивает.

Лили. Оставьте меня! Я буду кричать!

Доктор Клемм. Кричи! Позови еще твоего Гастона на помощь. Одного моего слова достаточно — и ты притихнешь совсем!

Лили *(пораженная)*. Что вы хотите сказать?

Доктор Клемм. Это ты скоро узнаешь, моя милая! *(Обнимая ее.)* Впрочем, я выудил из твоих французов для себя нечто новое, и, если ты немедленно не будешь со мной так нежна, как это подобает француженке, я буду так обращаться с твоим соотечественником, что он тоже притихнет!

Лили *(вскрикнув)*. Убийца!

Эрика, распахнув дверь, входит.

Эрика. Господин штабной врач...

Доктор Клемм *(отпрянув)*. Кто подсылает тебя красться повсюду!

Эрика (*задыхаясь*). Новые раненые... между ними сапер Эйзенлор, кровельщик, он видел Пауля во время боя, он слышал...

Лили. Пауль?! (*Выбегает.*)

Доктор Клемм. Пауль? Что с ним?

Эрика. Я нахожу это отвратительным с вашей стороны...

Доктор Клемм (*приблизясь к ней*). Послушай, Эрика, ты мне сама однажды сказала: во время войны все возможно! Это ты очень хорошо сказала! Да, во время войны есть только один закон, закон сильных! Все старые мещанские законы свалены в помойное ведро истории. А ты ведь не маленькая мещаночка, а моя настоящая девушка — солдат!

Эрика. Но Лили все же его жена!

Доктор Клемм. Лили — француженка, дитя мое! Своим обаянием она то и дело вовлекает мужчин в ловушку.

Эрика (*взволнованно*). А! И у нее, конечно, связь с лаборантом Гастоном, они очень часто вместе в рентгеновской лаборатории, они шепчутся так, что еле можно разобрать, может быть, они там целуются...

Доктор Клемм. Видишь!

Эрика. И они ссорятся тоже там внизу. На прошлой неделе Гастон сказал Лили

(вынимая свой маленький дневник): „ausen de nos camarades à la station chirurgicale“
Наверное, это должно означать: больше ни одного нашего товарища в хирургическое!

Доктор Клемм. Интересно, очень интересно, маленькая Эрика! Ты и дальше должна наблюдать за Лили!

Эрика. Я буду! Правда, вы находите, что Лили так красива?

Доктор Клемм. Это — фальшивая, болезненная красота, моя маленькая Эрика. (Поглаживая ее.) Здоровая, чистая германская красота — это ты, и ты останешься ею, моя любимица. И то, что ты заметишь у Лили, будет доложено мне. Понятно?

Слева входит Лили с сапером Эйзенлором, ко-
выляющим на костыле.

Лили. Он был тяжело ранен? Говорите же! Он еще жив?

Эйзенлор. Кто может это знать в этой проклятой костоломке.

Доктор Клемм. Вы сюда после битвы на Украине?

Эйзенлор. Между Николаевом и Херсоном.

Лили. Он сильно истекал кровью? Был еще в сознании?

Эйзенлор. Я сам был больше мертв, чем жив, и господин главный врач тоже лежал там, среди раненых. Никому до нас не было дела. Офицеры драпали, между тем русские посыпали нас перцем, мы лежали в овраге. Наши танки неслись по мертвым, раненым и живым...

Доктор Клемм. Ну, только не рассказывайте разбойничьих сказок.

Эйзенлор *(свирепо)*. Да, господин штабной врач, это там было! Это была настоящая разбойничья сказка, — кто ее пережил, тот не забудет ее до страшного суда!

Лили. О боже! И он там лежал?

Эйзенлор. Мы все там лежали. Когда наши танки мчались по оврагу, стремясь укрыться в нем от артиллерии противника, вы должны были слышать здесь вопли раненых; они ревели, как звери...

Доктор Клемм. Послушайте, мой милый, я настоятельно советую вам оставить при себе ваши мудрствования и не вести больше таких разговоров, которые похожи на вражескую пропаганду!

Эйзенлор *(навытяжку, на одной ноге)*. Слушаюсь, господин штабной врач! Бывший кровельщик Эйзенлор будет только рапортовать, что движение на свежем воздухе на

фронте чрезвычайно благоприятно действует на мускулатуру живота и на паховую грыжу!

Доктор Клемм (*кричит*). Еще одно слово — и я арестую вас! (*Хватает его.*)
Вон!

Слева входит дядюшка Эйген.

Дядюшка Эйген. Вновь прибывшие раиеные волнуются там, внизу.

Доктор Клемм. Ничего удивительного. (*Быстро уходит с Эрикой и Эйзенлором, которого он потащил за собой.*)

Дядюшка Эйген (*смотря им вслед*). Мне кажется, печная труба начинает пошатываться. Лили, послушайте, рассказ Эйзенлора ничего ясного не говорит о Пауле.

Лили. О, дядюшка Эйген, это больше чем ясно! (*Тихо.*) Я это, предвидела, я должна была его удержать!

Дядюшка Эйген. Вы не смогли бы его удержать, Лили. Именно Пауля не смогли бы. Он, как щенок, во все он должен впиться зубами, пока не раскусит. Такой уж он человек. Видите ли, Лили, когда я был студентом, у меня был молодой пинчер, великолепный, веселый песик. Только грыз он все: мои книги, ботинки, пиджаки. Тогда я

Положил ему кусок мыла, жесткого, горького, липкого стирального мыла... Хопс! Мой пинчер тут как тут — и изо всей силы вгрызся. Вы должны были бы видеть его морду! Горькое, вязкое мыло налипло у него на зубах, был он целый день, но это было ему уроком. Видите ли, такой вот кусок мыла иногда нужен и человеку.

Лили. Но эта война слишком уж большой и горький кусок!

Дядюшка Эйген (*глядя ее по голове*). Слишком горький кусок, слишком болезненный кусок! Да, дитя мое, мы теперь привыкли к боли от убийств и смертей, как к самой естественной вещи на свете. И все же... слушайте, будучи студентом, дядюшка Эйген много пил, дрался на дуэлях и учил много другой ерунды, но, кроме этого, он читал и древние фолианты. И там, в одной из книг о старой Индии, было написано, что у них на сцене никто не смел умирать и перед началом каждого зрелища ведущий говорил зрителям: «Пусть все живое живет без страданий!».

Лили. О, это прекрасно, это чудесно!

Дядюшка Эйген. Видите!

Лили (*тихо*). Это величайшая мечта, дядюшка Эйген, но как далеки мы от ее ис-

похищения! (*Вдруг.*) Дядюшка Эйген, если Пауль погиб...

Дядюшка Эйген (*глядя ее по голове*). Спокойно, дитя мое, так скоро Пауль не погибнет. Есть люди, которые не умирают, не исполнив своего назначения, даже если с них сдирают кожу. И дядюшка Эйген тоже еще существует.

Лили (*дает ему руку*). Простите!

Дядюшка Эйген (*тихо*). Но здесь есть еще и другие, кроме дядюшки Эйгена! Открыть глаза! И не падать с печной трубы! Ибо здесь творится какая-то дьявольщина. Они повсюду ищут пленку Бейерле, как двадцать чертей одну бедную душу!

Слеза входит Фейхтенбейнер.

Фейхтенбейнер. Доктор Риттер еще не вернулся?

Лили. Я предполагаю, что он у раненых.

Фейхтенбейнер. Там, внизу, сущий ад. Дядюшка Эйген, помогите же хоть немного на приеме; вы умеете ладить с людьми, другие не справятся.

Дядюшка Эйген (*бросает взгляд на Лили*). Здесь есть еще и другие, кроме дядюшки Эйгена. (*Уходит.*)

Фейхтенбейнер. Смешной старик! Вы

не должны прислушиваться ко всякому слову людей, фрау доктор!

Лили. Эйзенлор ведь сам видел его, за-
того кровью.

Фейхтенбейнер. Чего только не ви-
дят в пылу боя! Первый видит второго мерт-
вым, и в то время, когда первый умирает,
второй бодро возвращается домой.

Лили (*вдруг*). Правда, ведь он жив!

Пауза.

Хотя господин штабной врач говорил мне,
что если бы он был ранен и жив, то, конеч-
но, прислал бы телеграмму из лазарета.

Фейхтенбейнер. Странно!

Лили. Что?

Фейхтенбейнер. Простите, но я ду-
мал, что друг должен был бы ободрять жену
друга и, по меньшей мере, поддерживать
уваженне к его памяти... Так ориентировочно
обстоит дело, а не...

Лили. А не?..

Фейхтенбейнер. Ну, господин штаб-
ной врач бьет такую тревогу из-за двух недо-
стающих пленок, из-за таких пустяков, слов-
но от этого отечество в опасности. Он
утверждает, что господин главный врач недо-

бросовестно руководил клиникой. А между тем господин главный врач был любимцем больных и образцом хирурга.

Лили. Во всяком случае, больные при обычных случаях торакопластики не умирали у него под ножом!

Фейхтенбейнер. А завтра на очереди опять французы!

Лили (*сдерживаясь*). Что можно сделать?

Фейхтенбейнер. Возможно, у вас есть какие-нибудь жалобы?

Лили. Я не знаю — какие?

Фейхтенбейнер. Ну, всегда все-таки можно найти повод к жалобам. Правда, не обязательно на почве вражды к вам, как французенке, а скорее, может быть, из-за чрезмерной любезности... после смерти вашего супруга...

Лили. Но, господин инспектор, разве только что вы не думали, что мой муж жив?

Фейхтенбейнер (*смущенный*). Это я думал? Ну, что ж, поскольку он еще жив... (*цинично*) надо надеяться, он чувствует себя вполне хорошо в своей шкуре и будет жить еще долго!

Лили. И я тоже надеюсь, господин ин-

спектор, и надеюсь, что вы и я ему в этом поможем! (*Уходит налево.*)

Фейхтенбейнер (*взбешенный*). Я тебе очень скоро кое в чем помогу, мадам!

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Маленькая лаборатория в подвале клиники для проявления рентгеновских снимков. По каменному своду тянутся электрические провода. Справа — впереди — большой стол с реактивами, стеклом и жестяными банками для проявления пленок. Над ним красная электрическая лампа. Кругом на проволоках висят свежие пленки для просушки. Налево — дверь в полу-освещенный коридор. Видна лишь часть его. У стола стоят Лили и Гастон, который вынимает пленку из проявителя.

Гастон. Не подходите слишком близко к электрическим кабелям, мадам.

Лили. Почему?

Гастон. Вот возьмите пленку, поглядите ее. Я намеренно не закрыл дверь на задвижку, поскольку здесь должны будут искать пленки. Впрочем, разве я не просил вас приходить теперь сюда по возможности реже?

Лили (*взволнованно*). Я больше не могу, Гастон! Так дальше не может быть! Я не

могу месяцами контролировать каждое свое слово, ежеминутно держать себя на поводе.

Гастон. Вы знаете, мадам...

Лили. Да, да, Гастон, я знаю, что за нами следят, но мне невыносимо долго тащить одной эту ужасную тяжесть! Теперь, когда я получила это известие о Пауле и от него самого, возможно, уж никогда больше не получу, тут все больше и больше смотрят на меня, как на чужую.

Гастон. Это, значит, как на врага?

Лили (*кивает*). Тем более что сегодня пришел Бейерле...

Гастон. И его пленки не могли найти...

Лили. Она могла пропасть, поскольку она выплыла на свет, как пленка нашего Лекерка.

Гастон. А другие пленки наших соотечественников?

Лили. Господин штабной врач сегодня сделал намек...

Гастон (*включил белый свет*). Штабной врач?

Лили. Он начал вдруг держаться со мной развязно, обнял меня и, когда я его оттолкнула, сказал в страшном гневе: «Позови же своего Гастона на помощь!»

Гастон. Своего Гастона!

Лили. «Одного моего слова будет довольно — и ты моментально затихнешь!»

Гастон. *Ce saïaud!*¹ Это было после того, как он послал сюда вниз доктора Риттера за семью пленками последнего полугодия?

Лили. Тотчас же после этого.

Гастон (*порывисто*). *Mille dieux!*² Мы должны действовать, мадам! Может быть, уже сегодня! Организацию ни в коем случае нельзя подвергать опасности.

Лили (*испуганно*). Что вы хотите делать, Гастон?

Гастон (*тихо*). Вы знаете, мы пытались приостановить доступ наших соотечественников в эту клинику, но на это требуется определенное время. Между тем этот штабной врач, этот мясник умертвил своим «методом» много наших товарищей.

Лили. А завтра Анри Дрюмона ждет та же участь!

Гастон. Это ужасно! Нужно было бы помешать этому! Может быть, мы совершили ошибку, может быть, я должен был действовать раньше? Это одно. Но еще важнее другое: ни вы, мадам, ни я не должны быть арестованы!

¹ Негодяй!

² Тысячи богов!

Л и л и. Разве есть опасность?

Г а с т о н. Да. И именно сегодня или завтра. Есть только два пути из этого тупика: наш побег или «случайное» уничтожение всех наличных пленок путем естественной катастрофы.

Л и л и. Катастрофы?

Г а с т о н. Я уже предостерегал вас, мадам, не подходить тут слишком близко к электрическим кабелям. Изоляция очень скверная. Во время войны это случается. Может произойти короткое замыкание. Можно было бы немножко помочь этому. Навешенные вплотную пленки могли бы загореться, и лаборатория со всеми пленками, которые снесли в этот подвал из-за бомбардировок; сгорела бы дотла.

Л и л и. Это ваш план?

Г а с т о н. Один из планов.

Л и л и. А если огонь охватит больницу?

Г а с т о н. Этот подвал выстроен из мощного плитняка, он закрывается железной дверью именно из боязни пожара пленок. Опасность для клиники, значит, исключена. Но группа наша ни в коем случае не должна погибнуть.

Л и л и. Не падет ли в таком случае подозрение все же на вас, Гастон?

Г а с т о н. Я больше не буду помехой, потому что в этом случае лаборант Гастон Брюер сгорит вместе с пленками.

Л и л и (взволнованно). Невозможно, Гастон!

Г а с т о н. Спокойно, мадам! Простите, но патриоты Франции, России, Сербии, Польши, Дании... разве они не жертвовали своими жизнями наряду с десятками тысяч других погибших?

Л и л и. Я знаю, Гастон, знаю, это патриоты — герои, бессмертные герои большого дела. И все же я постоянно спрашиваю себя, спрашиваю по-женски: может ли весь бессмертный героизм возратить хотя бы час потерянного счастья?

Г а с т о н. А как вы думаете сегодня иным способом добиться счастья на земле, мадам? Признаться, я сейчас не думаю о счастье. У меня совсем иные думы: что будет с вами, мадам, и с нашим товарищем Дрюмоном?

Л и л и. Нас будут допрашивать?

Г а с т о н (кивает). Вот именно.

Л и л и. Гестапо?

Г а с т о н (не слушая). Потому что никто, даже самый сильный, не может сказать наперед с абсолютной уверенностью, что в бессознательном состоянии или в бреду от ран,

под пытками, он не запутается в показаниях и не повредит делу. Поэтому я больше склонен к побегу, возможно одновременно с уничтожением материалов.

Эрика тихо подошла к двери коридора, приложила к ней голову, подслушивает.

Лили. А куда бежать?

Гастон. К швейцарской границе.

Лили. Без документов? При теперешнем контроле на железных дорогах и в пути?

Гастон (*соображает.*) Конечно, побег надо было бы подготовить, если бы только мы не были стеснены временем... Надо было бы также предупредить группу, чтобы товарищи больше ни в коем случае не прибывали сюда... Нужно выиграть несколько дней...

Лили. Несколько дней... (*Вдруг.*) Может быть, это и возможно!

Гастон. Как?

Лили. Я вам говорила, что штабной врач преследует меня своими чувствами, что он без ума от меня; если я использую его безумие и притворной уступчивостью три-четыре дня удержу его возле себя...

Гастон. Так, чтобы он вас не арестовал.

Лили. Больше того! Он не сможет и вас арестовать, Гастон, опасаясь, что гестапо

огда арестует и меня, меня, его возлюбленную, а в конце концов его самого.

Гастон. Вы, мадам,— его возлюбленная?

Лили. На краткий срок я могла бы вести эту игру.

Гастон (*взволнованно*). Другая сторона не будет довольствоваться только игрой, мадам.

Лили (*нажимая*). Сколько дней вам нужно, Гастон, минимально для предупреждения группы и для подготовки побега?

Гастон. Если бы три-четыре дня... (*Внезапно.*) Нет, эта жертва невозможна!

Лили. Так же я возражала только что против вашего плана поджога пленок, и вы меня поучали,— думаю правильно,— что для патриота нет невозможной жертвы.

Гастон. Смерть — да! Попытки — да! Но вы, мадам,— добыча этого нацистского главаря, этого отвратительного, бешеного зверя? Никогда! Никогда!

Лили (*внимательно смотря на него*). А если он уже совершил насилие надо мной?

Гастон (*вскрикнув*). Мадам!

Лили (*прикрывая ему рот*). Ради бога!..

Гастон (*освобождаясь*). Я уничтожу его вот этими руками, я заманю его сюда вниз, он сторит вместе со мной. Все осталь-

ное мы оставим в стороне: остается только это.

Лили. Вы безумны, Гастон! Послушайте меня, Гастон, ничего не произошло! Ничего, поверьте мне!

Гастон (*глядя на нее*). Ничего?

Лили. Ничего, кроме того, о чем я вам говорила вначале.

Гастон. А зачем вы говорили... остальное, мадам?

Лили (*тихо*). Я хотела знать, во что еще ценится у нас человек... в борьбе за большое дело.

Гастон. Мадам, я убежден, этого вопроса вы больше не будете ставить, если я вас заверю, что в каждом вашем слове, в каждом ласковом очертании уголков ваших глаз, в каждой ниточке ваших золотых волос я вновь узнаю нашу нежную, страдающую, любимую солнцем и мужественную родину... Меня охватывает бешенство при мысли, что такой человек, как вы, должен принести себя в жертву. Знать, что вы в отчаянии, несчастии...

Лили. О, Гастон, кто теперь спрашивает о счастье или несчастье человека?

Гастон (*страстно*). Мы спрашиваем об этом, мадам, мы! Наша великая революция сверкающими буквами параграфом пер-

Там вписала в свою конституцию... Вы за-
ли, мадам, что вы еще ребенком учили в
коле?

Лили (*взволнованно*). Пойдите, Гастон,
пойдите... Параграф первый конституции?
(*В радостном волнении.*) «Цель человеческо-
го общества — счастье!» Так ведь, Гастон?
Да, да, с этого начинается, со счастья,
только с человеческого счастья! Это пре-
красно, это благородно, величественно!

Гастон. Да, мадам, лучших слов никогда
не было написано! Наш народ их никогда не
забудет, особенно в несчастьи.

Лили (*пожимает его руку*). Благодарю
вас, Гастон, вы мне очень помогли. Я хотела
бы помочь вам и вашему делу больше, боль-
ше, чем раньше. Скажите, что я должна де-
лать?

Гастон (*вдумчиво*). Нужно бы выиграть
время, эти три-четыре дня... даже в том слу-
чае, если мы будем действовать быстро...
(*Прислушивается к шуму.*)

Эрика за дверью крепче прижимается к ней головой.
Тише! (*Подскочил к двери, ведущей в кори-
дор, и распахнул ее.*)

Убегающая Эрика скрывается в полумраке коридора.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кабинет главного врача и приемная в тот же вечер. Широкое окно затемнено черной занавеской. За письменным столом сидит Эрика и при свете маленькой настольной лампы пишет в свой дневник.

Эрика (*торопливо пишет и говорит вслух*). Тогда сказал Гастон: «Мы оба должны бежать к швейцарской границе». Лили возражала и просила его обнять ее, при этом она была ужасно взволнована. Потом стало тихо. Это было так, как будто они горячо целовались, как целуются французы. При этом Гастон стонал: «О, моя возлюбленная!» Она сказала: «Ты — мое счастье!» Он полагал, что здесь все нужно сжечь и быстро начать действовать... Она сказала...

Доктор Клемм с Лили идет слева через приемную.

(Быстро засунула свой дневник под больничные листки.)

Доктор Клемм. Вновь прибывший француз немедленно должен явиться сюда!

Эрика уходит налево.

Лили. Разве недостаточно, если будет ассистировать только доктор Риттер?

Доктор Клемм. Я желаю второго ас-

истента при этой торакопластике, и, поскольку я оперирую вашего соотечественника, вы ведь с удовольствием будете мне ассистировать?

Входит Дрюмон, очень бледный, исхудавший молодой человек в больничном халате, в сопровождении санитаря, который затем уходит обратно в приемную.

Вас зовут?

Дрюмон (*взволнованно*). Drumond, monsieur le docteur, Henri Drumond; mais je ne désire aucune opération; je proteste formellement!¹

Доктор Клемм. Вам нечего здесь протестовать, понятно? Вас сначала еще раз обследуют и только после этого оперируют. (*Жестом.*) Раздеться!

Дрюмон (*страстно*). Je refuse! Je ne veux pas mourir comme mes camarades!²

Лили (*быстро*). Taisez-vous, monsieur! Je reste près de vous!³

Доктор Клемм (*хочет сорвать с него рубашку*). Долой!

¹ Дрюмон, господин доктор, Анри Дрюмон; но не нужно делать операцию; я протестую!

² Я отказываюсь! Я не хочу умирать здесь, как другие мои товарищи.

³ Молчите, я все время буду возле вас!

Дрюмон (*мгновенно схватывает большие канцелярские ножницы с письменного стола, подскакивает к доктору Клемму*). Tu veux me tuer, meurtrier!¹

Доктор Клемм, отскочив за спину Лили, выдерживает револьвер из брючного кармана.

Лили (*Дрюмону, спокойно*). Déposez les ciseaux, monsieur!²

Дрюмон. Excusez, madame!³ (*Кладет ножницы обратно на стол.*)

Доктор Клемм (*кричит*). Санитар!

Быстро входит санитар.

В изолятор свинью!

Санитар с Дрюмоном уходит.

(*Лили, гневно*.) Французы!!

Лили (*смотря на него*). Вы считаете правильным, коллега, выхватывать револьвер против больного?

Доктор Клемм. Хорошенький больной с ножницами в кулаке! (*Все еще дрожа.*) А глаза! Если бы он только мог, он убил бы меня глазами! Эта ненависть!..

1 Ты хочешь меня погубить, убийца!

2 Положите ножницы!

3 Извините, сударыня!

Лили (*наблюдая за ним*). Да, страшная ненависть...

Доктор Клемм. Французы!

Лили. Не только французы! Точно такая же сцена разыгралась сегодня утром с сапером Эйзенлором, немецким солдатом.

Доктор Клемм. Да, эти бандиты, которые приходят с фронта, они вне себя, в особенности раненые с востока!

Лили. Их сейчас приходит очень много! Сообщили о прибытии уже второго транспорта за сегодняшний день. Эти люди привыкли мгновенно стрелять и драться, они привыкли к смерти, они на все готовы.

Доктор Клемм. Вы их боитесь?

Лили (*намеренно*). Я должна сознаться — боюсь! У этих людей разойдутся когда-нибудь нервы, как у Эйзенлора, и тогда это может привести к неожиданной вспышке.

Доктор Клемм (*беспокойно шагая взад-вперед*). У нас есть средства успокаивать нервы людей!

Лили молчит.

Или вы не думаете?

Лили. Таких людей слишком много у нас и будет все больше и больше.

Доктор Клемм. Слишком много... Все

больше и больше? *(Неуверенно.)* Пусть только придут! Я всегда ношу с собой револьвер... *(Показывает его.)* Маузер высшего качества, восемь патронов! Этим я успокоил некоторым нервы, побольше чем одному. Вы можете мне в этом поверить. Смотрите! Указательный палец кладут вот здесь, вдоль ствола, потом просто тычут в лицо противника — и выстрел!

Шум. Мамаша Биркле врывается в приемную с Францем, который оцупывает воздух перед собой. Фейхтенбейнер пытается их задержать.

Мамаша Биркле *(вне себя)*. Где этот, говоривший, что на фронте болтающаяся голова будет сидеть крепко, как чугун? Где он?!

Фейхтенбейнер. Подождите немного, фрау Биркле, господин штабной врач сейчас занят. Так ориентировочно обстоит дело.

Мамаша Биркле. Я уж тебя «арантирую», ты, зажавшийся куль! Ты у меня схлопотал из-под полы десять кило масла и ни разу не заплатил! А моего мальчика, моего Франца, вы... *(Начинает сильно рыдать.)*

Из кабинета главного врача выходят доктор Клемм и Лили.

Доктор Клемм. Что здесь за чертовина?

Мамаша Биркле. Не одна чертовина, десять тысяч чертей. Весь ад и в придачу еще сам дьявол! Ты его видишь, — стой прямо, Франц, — ты видишь его?

Франц (*ища своими слепыми глазами*). Кто не прежний доктор?

Доктор Клемм (*подходя к нему*). Вероятно, с тобой это случилось на фронте, мой мальчик?

Мамаша Биркле (*оттаскивая его*). Не мой мальчик! Не трогайте его! Он достаточно долго был ваш мальчик! Сначала без пальцев, теперь без глаз! (*Плачет.*)

Франц (*ощупывает ее голову*). Спокойно, мама, будь же спокойна!

Доктор Клемм (*напыщенно*). Что? Там, вероятно, был бешеный фейерверк? Наверно, это произошло при штурме неприятельской позиции?

Франц. Нет, господин доктор, до штурма не дошло. Русские просто расколошматили наш дот, как молотом. Мы сидели там вроде кроликов, и вот влетает одна граната, или десять, или сотня и выбивает мне глаза.

Мамаша Биркле (*набросилась на*

Клемма). И вы, доктор, послали мое больное дитя с трясущейся головой и без пальцев на фронт, а теперь он еще ослеп! *(Вскрикивает.)* Вы не врач, вы — убийца!

Доктор Клемм. Хватит! Баба спятила! *(Хочет идти налево.)*

Мамаша Биркле *(загораживая ему дорогу)*. Баба совсем не спятила! А если она спятила, тогда скоро здесь будут тысячи спятивших баб, которые придут к тебе, и тогда ты больше не удерешь, тогда тебя схватят за глотку, собака!

Доктор Клемм. Назад! *(Толкает ее в грудь так, что она отлетает к стене.)* Господин инспектор, в изолятор обоих!

Он быстро идет с Лили в кабинет главного врача. в то время как Фейхтенбейнер выталкивает мамашу Биркле и Франца налево.

(Разгневанно, Лили.) Вы об этом знали?

Лили *(смело, решаясь на все)*. Да.

Доктор Клемм. И вы с ними в этой игре!

Лили. Не больше и не меньше, чем вы, коллега.

Доктор Клемм. Что это значит?

Лили. Я вам раньше говорила, что у меня есть опасения...

Доктор Клемм. У вас есть все при-
ны для этого!

Пили. У вас не меньше!

Доктор Клемм. Одно слово обо мне —
они будут схвачены!

Или (*намеренно понимая не так*). Ка-
вам польза от того, что вы арестуете
у Биркле или тяжело раненного Эйзен-
а?

Доктор Клемм (*вплотную к ней*).
можно арестовать совсем других!

Или (*смотрит в упор, наступая*). Да,
можно арестовать и других — еще десяток
у Биркле или двадцать Эйзенлоров. И
думаете, что этим вы прекратите поток
раненных и калек? Разве вы не видите, как
чаще и чаще идут сюда женщины с
плаканными, иссохшими, горящими нена-
стью глазами? Они разорвут вас, как разъя-
ренные львицы!

Доктор Клемм (*нервничая*). Женщи-
действительно была разъярена, совершен-
безумна!

Или (*как бы внушая*). И много еще бу-
дет таких же разъяренных, очень много, с
каждым днем больше! Они ничего не устраи-
тся в своем отчаянии, ничего; они найдут
ую жертву!

Доктор Клемм. Пожалуйста, не преувеличивайте!

Лили. Я бы хотела, чтобы это было преувеличением! (*Усиливая натиск.*) Не кричала разве мамаша Биркле: «Вы же не врачи, вы — убийцы!» Могли бы вы когда-нибудь предположить, что эта добродушная молочница может испустить такой крик? Крик, который и сейчас звучит у меня в ушах, как набат страшного суда! Вы действительно его не слышите, коллега? Вы не видите, что именно на нас будут указывать пальцами, что нас, врачей, заставят отвечать, как подручных смерти, которые даже больных людей без конца отправляли на поле битвы и вторично швыряли их в лапы смерти!

Доктор Клемм (*ходя по комнате*). Довольно об этом! Из-за одной бабы...

Лили. О, это не кончится выходкой одной этой женщины или одного кровельщика! Эти люди воспользуются ножом, бомбой, любым оружием, а сегодня почти у любого в руках оружие... И если мы днем еще чувствуем себя уверенно, то под покровом темноты, в хаосе бомбардировок...

Доктор Клемм (*истерически смеется*). Милости просим, господа, приходите, прихо-

ите! Должны же вы притти! Мой револьвер даже ночью лежит около меня.

Лили. Это хорошо и плохо.

Доктор Клемм. Плохо?

Лили. Простите, но как раз днем ваш револьвер и ваша черная форма будут не только производить хорошее впечатление и величивать вашу популярность, но и...

Доктор Клемм (*нервно*). Представлять собой хорошую мишень, хотите вы сказать?

Лили. Да, когда, как я опасаюсь, однажды ночью начнется трескотня из всех подвальных дверей, из-за углов, отовсюду!

Доктор Клемм (*испуганно*). Как вы все это видите! Госпожа медицинская советница говорила мне на прощальном вечере в честь Пауля, что вы обладаете странной силой. Что такое было сегодня утром с кровью на моем лбу?

Лили смотрит на него, молчит.

Укажите мне прямо, фрау Лили! Я прошу вас! Я — человек, привыкший смотреть правде в глаза! (*С дрожью в голосе.*) Что вы видите на моем лбу?!

Лили. Зачем мне лишать вас покоя?

Доктор Клемм. Скажите мне, скажите, не терзайте меня!

Лили (*таинственно*). Чтобы уберечь свой лоб от выстрелов, лучше быть подальше от них.

Доктор Клемм (*расстроенный*). Подальше? Значит, вы думаете, что выстрелы близко? Скажите мне, ради всего на свете, что я должен делать?

Лили. Вы сами должны понять. Вы должны скрыться от этих неистовых раненых, их матерей и жен, иначе их натиск обрушится всей тяжестью на вас. Вам нужно исчезнуть на три-четыре дня, пока не уляжется волнение.

Доктор Клемм. Правильно! Я мог бы просто сказать больным на несколько дней и уехать в горы; пожалуй, это будет лучше всего... А вы сами? Вы ведь тоже боитесь за себя?

Лили. Сейчас всем врачам нельзя отсюда уехать.

Доктор Клемм. Не беспокойтесь об этом. Останется доктор Риттер и другие врачи. (*Напыщенно.*) Я беру вас под свою защиту! Вы меня будете сопровождать. Нет, не противьтесь, после того как вы мне дали превосходный совет. Только три дня, только два дня, Лили! (*Берет ее за руку.*)

Лили (*защищаясь*). Думайте о знаке на
шем лбу!

Доктор Клемм (*отпуская ее*). Простите, зачем вы говорите сейчас об этом! Завтра уеду, это ясно! Но только с вами, Лили... (*Вдруг обнимая ее.*) Только с тобой, только с тобой...

Лева входит дядюшка Эйген; Лили, энергично защищаясь, делает ему знак.

Дядюшка Эйген (*громовым голосом*). Ганс!

Доктор Клемм (*как пораженный молнией, отступает и автоматически вытаскивает свой револьвер*). Назад!.. Дядюшка Эйген?

Дядюшка Эйген (*яростно*). Я ведь это знал!

Доктор Клемм (*пораженный*). И ты это знал?

Дядюшка Эйген. Уже несколько дней я вижу, как ты, сладострастная саламандра, подползаешь к фрау Лили. Однако я не допускал, чтобы можно было так бесстыдно обманывать своего друга детства. *Amicum juventutis aestimatus sacrum*¹. Если у тебя есть еще хоть искра чести в твоей вонючей душонке, во имя Пауля я требую от тебя сатисфакции!

¹ Друг юности — священный друг.

Доктор Клемм (*испуганный*). Мы живем в другое время, дядюшка Эйген...

Дядюшка Эйген (*гневно*). Ты увиливаешь? Трус!!

Доктор Клемм. Ты знаешь, есть приказ фюрера...

Дядюшка Эйген. Этим бананом сегодня ты больше не выманишь ни одной обезьяны из древнего леса! И если ты отказываешь мне дать сатисфакцию...

Лили. Дядюшка Эйген, коллега Клемм имеет намерение завтра с утра поехать в отпуск на три дня.

Дядюшка Эйген. А я имею такое же твердое намерение — самым решительным образом отправить его в длительный отпуск! Я думаю, что рука моя все еще так же тверда, как и в прежние годы. (*Кладет правый кулак на высоте глаз на левый и целится в доктора Клемма.*) Завтра утром! Мы уладим дело без секундантов!

Доктор Клемм (*зло*). Может быть, я тоже улажу дело другим способом.

Дядюшка Эйген. Все предусмотрено, мой милый! Дядюшка Эйген готов к любому твоему свинству. И я тебя предупреждаю: едва ты мне навяжешь на шею твоих черных

Бесовских сонляков, мои мстители будут на-
ртове!

Доктор Клемм *(нервно).* Какие-ни-
будь там Эйзенлоры!

Дядюшка Эйген *(подмигивая)*. Так я
ребенку их и назвал.

Доктор Клемм *(истерически крича)*.
Что тут происходит? *(Вынимая револьвер.)*
Вон, или я стреляю!

Лили *(подойдя к нему)*. Положите ору-
жие!

Доктор Клемм *(прячет револьвер, вы-
таскивает карманное зеркальце и смотрится)*.
На моем лбу, говорите вы, на моем лбу...
(Плаксиво.) Что я вам сделал? Что я кому-
нибудь сделал?

Слева входит доктор Риттер.

Доктор Риттер. Прибыл новый транс-
порт. Люди очень беспокойны.

Доктор Клемм. И вы тоже начинаете
с этого, вы, траурная лапша! *(Нервно рас-
смеявшись.)* «Люди очень беспокойны»...
(Уходит налево.)

Дядюшка Эйген и Лили следуют за ним.

Доктор Риттер *(смотря им вслед)*.
«Траурная лапша»... *(Склоняясь.)* Премного

благодарен, господин главный врач! *(Берет с письменного стола больничные листки, замечает дневник Эрики, читает.)* «...тогда, говорит Гастон, мы должны оба бежать к швейцарской границе... Лили просит, он должен ее обнять... он полагает, что нужно сжечь все и действовать скорее...» *(Торжествуя.)* Бежать к швейцарской границе... все сжечь! Доказательство, господин инспектор, явное доказательство! *(Прячет дневник.)* Я думаю, теперь всем надо скорее действовать! *(Прислушивается, быстро берет рентгеновскую пленку с проволоки на окне и рассматривает ее.)*

Слева входят Эрика и Лили.

Эрика. Прямо сплошной цирк там, на приеме! Почему ты не осталась внизу?

Лили. Я забыла пленку пациента Дрюмона. Коллега Риттер, у вас она?

Доктор Риттер. Я сам ищу пленку Бейерле. Может быть, это ваша?

Эрика *(роясь в больничных листках)*. Лили, ты ведь все время была здесь наверху со штабным врачом, ты не видела, тут ничего не лежало?

Лили. Что ты подразумеваешь?

Эрика *(в сильном волнении)*. Ты

рчень хорошо знаешь, о чем я думаю! Конечно, тебя чрезвычайно интересовал мой дневник! Отдай мне его назад сейчас же! Это низко, бесчестно так вот брать... А, может, ты хочешь его уничтожить, потому что там написана правда о некоторых людях, она может быть кое-кому неприятна!

Лили. Я уверяю тебя, Эрика, у меня нет дневника!

Эрика (*вне себя*). У тебя! Ты лжешь! Ты хочешь его уничтожить! Но правда выйдет наружу! Позор, теперь, когда Пауль пропал без вести, завязывать роман с Гастоном!

Лили. Ты с ума сошла, Эрика?!

Доктор Риттер (*стоящий в стороне*). Простите! (*Хочет пройти налево к двери.*)

Слева вваливается дядюшка Эйген.

Дядюшка Эйген. Он приехал! Пауль гам — дома, в квартире!!!

Лили (*остолбнев*). Пауль?!

Занавес

А к т ч е т в е р т ы й

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Столовая в доме Ваннера. Г-жа Ваннер входит слева с доктором Ваннером; он сильно похудел, кожа на лице стала темной и огрубелой. На нем военная форма штабного врача. Пустой правый рукав продет под пояс и спрятан в карман.

Г-жа Ваннер. А ты страшно похудел, мой мальчик. Конечно, эти ужасные лишения, раны, потеря крови...

Доктор Ваннер (*шагая по комнате*). Не так уж плохо, мама.

Г-жа Ваннер. Ты мне должен рассказать, как все это произошло, все подробно рассказать мне, Пауль, правда?

Доктор Ваннер. Конечно, мама. Но сейчас я хочу в клинику.

Г-жа Ваннер. Не сейчас, Пауль! Я уже

послала за Лили и Эрикой. А завтра утром, когда ты хорошо выспишься, тогда сразу пойдём и в клинику, потом к дяде Карлу и к тайному советнику Шредеру... Но, скажи, у тебя, офицера, который был в этих ужасных сражениях, конечно, есть знак ранения и орден... или нет?

Доктор Ваннер. Конечно, мама.

Г-жа Ваннер. Где же они?

Доктор Ваннер (*неловко ищет левой рукой в кармане, наконец, находит железный крест и знак ранения*). Если это тебе доставит радость...

Г-жа Ваннер (*взволнованно*). О, даже железный крест первой степени, и ты так небрежно носишь его в кармане! Дай сюда! (*Прикрепляет ему.*) А знак ранения должен быть рядом?

Доктор Ваннер. Снизу.

Г-жа Ваннер (*прикрепляет его, гордо*). Так ты выглядишь сразу совсем по-другому, правда?

Доктор Ваннер. Конечно, мама. До этого я был как будто голым.

Лили быстро входит. Мгновение она стоит, словно заколдованная, и смотрит на Пауля. По пустому, спрятанному в карман рукаву тотчас же понимает

происшедшее. Стремительно подходит к Паулю, который стоит напряженно, и как-то беспомощно схватывает обеими руками его левую руку и пристально смотрит на него.

Г - ж а В а н н е р. Осторожно, Лили! Не сделай ему больно! Ты ведь видишь...

Доктор Ваннер (*пытается улыбнуться под взглядом Лили*). Я же не сахарный, мама.

Г - ж а В а н н е р (*поспешно*). Пауль, собственно говоря, приехал только полчаса тому назад. Где же Эрика? Подумай, Пауль хотел, конечно, сейчас же идти в клинику! Ужасно исхудал он, правда? Мы должны его как следует откормить. Неужели ты не видишь железный крест? Ты не хочешь его поздравить, Лили?

Лили. О, Пауль... ты жив!..

Доктор Ваннер. Лили!..

Слышны голоса. Лили отпускает Пауля. Эрика врывается, кидается Паулю на шею, бурно его целует. Вдруг отступает от него и останавливает взгляд на его правом рукаве.

Эрика. Пауль, что это?

Доктор Ваннер (*нервно одергивает висящий рукав. Несколько неуверенно*.) Не так бурно, Эрика! (*Улыбаясь*.) Теперь я до-

Ужасно, что стал левшой; у них ведь особый стиль в фехтовании.

Входят слева доктор Клемм, доктор Риттер и дядюшка Эйген.

Доктор Клемм (*с нажимом*). Хайль Гитлер, Пауль! Чудесно, что ты опять здесь! И железный крест — здорово в такой короткий срок! Очевидно, ты на фронте был железным человеком.

Доктор Риттер. Разрешите и мне, господин главный врач, присоединить свои приветствия!

Дядюшка Эйген (*обнимая за плечи*). Мальчик мой!

Доктор Ваннер (*левой рукой приподнимая ему голову*). Дядюшка Эйген! Я опять тебя вижу! Я не раз беспокоился, когда слышал о многочисленных бомбардировках на родине.

Дядюшка Эйген. погоди, мой мальчик, так скоро дядюшка Эйген не упадет с печной трубы. А теперь ты должен хоть раз как следует отдохнуть здесь.

Г-жа Ваннер. Ведь правда, это ему страшно необходимо.

Доктор Ваннер. Конечно, мама. Что нового в клинике? Огромное количество ра-

ненных в последнее время? Что? Исключительно тяжелые случаи! Много вы еще делали трепанаций и торакопластик, рыцарчик?

Доктор Риттер. Нам часто недоставало вас, господин главный врач.

Доктор Ваннер. Главный врач? С этим теперь покончено.

Доктор Клемм (*наигранно*). Но, позволь, Пауль, именно переквалификация при потере одной конечности дает сейчас блестящие результаты! Не так давно я видел в одном иллюстрированном журнале целый взвод одноногих инвалидов войны... один из них прыгал метр сорок! Колоссально! Солдат держит рекорд одноногих по прыжкам в высоту в масштабе третьей империи! Грандиозно?

Доктор Ваннер. Грандиозно! Да здравствует хирургия и рекорд одноногих по прыжкам в высоту! Дядюшка Эйген, музыку! Ты ведь знаешь, как тогда... что-нибудь душещипательное!

Г - ж а Ваннер. Не очень ли ты переутюмился, Пауль?

Доктор Ваннер. Ничего подобного, мама! Вперед, дядюшка Эйген, я прошу об этом!

Дядюшка Эйген. Мальчик мой, может быть, сегодня все же следовало...

Доктор Ваннер. Никаких возражений, дядюшка Эйген! Если мы музицировали при ющании, то при встрече уж и подавно! Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus¹. *(Подталкивает его к роялю.)*

Дядюшка Эйген садится за рояль и начинает играть. Или в большом нервном напряжении, хочет уйти.

Г-жа Ваннер. Куда, Лили?

Лили. Мне хочется позаботиться о вине и закусках, мама. Если будут пить, нужно же и пить. *(Уходит налево.)*

Г-жа Ваннер *(ей вслед)*. И посмотри, чтобы дома было все затемнено, Лили. Ты должен знать, Пауль, англичане налетают почти каждую ночь. Надо надеяться, что хоть сегодня будет спокойно.

Доктор Ваннер. Это не должно нам очень мешать, мама. Мы кое к чему привыкли. *(Подходит к дядюшке Эйгену.)* Ребята, почему же вы не поете? *(Начинает петь. Поскольку остальные все же молчат, мурлычит мелодию под игру дядюшки Эйгена.)*

Доктор Клемм подошел к г-же Ваннер, сидящей

¹ Будем веселиться, пока молоды.

за карточным столиком. Они тихо беседуют. Доктор Риттер отправился к дивану у изгороди. Эрика идет туда же.

Эрика. Господин доктор, а вы... почему вы стоите в стороне?

Доктор Риттер. Это мой способ беседы, так сказать.

Эрика. Я думаю, вы любите одиночество, господин доктор?

Доктор Риттер. Одиночество, фрейлен Эрика, должно быть лучшим другом людей, у которых нет друзей. Однако, как вы можете это понять?

Эрика (*взволнованно*). О, я очень хорошо это понимаю, даже слишком хорошо! И у меня тоже был друг, возможно, мой самый лучший друг, и я его потеряла!

Доктор Риттер. Он погиб?

Эрика. Он... украден! Да, действительно, это был мой лучший друг (*с романтической экзальтацией*), это был мой безмолвный друг, которому я все поверяла, все сокровенное и самое глубокое, — мой дневник...

Доктор Риттер. Ваш дневник?

Эрика. Что с вами? (*Берет его за руку.*) Не будьте же так печальны, господин доктор!

Доктор Риттер (*испугавшись*). «Не

будьте же так печальны!» Вы — первый человек, который мне это говорит, фрайлен Эрика!

Эрика. Это так ужасно?

Доктор Риттер. Да, это ужасно! *(Тихо, но яростно.)* Потому что я — зверь, злой, искривленный зверь, такой же искривленный, как моя спина! *(Вдруг.)* А если найдется ваш дневник?

Эрика *(поспешно)*. Должно быть, это Лили взяла.

Доктор Риттер. А если у фрау Лили вовсе его нет?

Эрика. Как?

Лили входит с подносом; на нем бутерброды и вино.

Г-жа Ваннер. Эрика, ты не хочешь помочь Лили? Я думаю, господа, мы подвинем карточный столик сюда, к дивану.

В то время как подвигают вперед кресла и столик, Лили и Эрика ставят на него закуски и вино.

Господа, прошу занять места. Право же так уютно! Теперь пусть Пауль рассказывает.

Доктор Клемм. Разрешите, госпожа медицинская советница. *(Встав.)* Да здрав-

ствует наш храбрый воин, наш кавалер ордена железного креста!

Все поднимаются и чокаются с Паулем.

Ну, Пауль, ну, пальни разок!

Доктор Ваннер. Но, Ганс, что можно еще сказать? Вы давно уже все знаете из газет и радио.

Доктор Клемм. Я имею в виду интересные, волнующие эпизоды, пережитые тобой самим.

Доктор Ваннер (*обороняясь.*) Богом мой, все это уж унеслось в огромном водовороте.

Доктор Клемм. А как ты получил твой крест? Он ведь бросается в глаза. И, прости, — это делает тебе только честь, — как ты потерял руку?

Г-жа Ваннер. Я думаю, может быть, как раз не сегодня...

Доктор Ваннер. Почему нет, мама? Во всяком случае, дело не представляло чрезмерного интереса, поскольку такие случались десятки раз. А так как в штабе полка я сидел непосредственно на сундуке с орденами, я тоже получил железный крест.

Доктор Клемм. Не будь слишком скромным, Пауль! Наверно, примчались вра-

жеские танки, а ты — с парабеллумом в руке отбросил русских с перевязочного пункта?

Доктор Ваннер (*уставясь перед собой*). Да, тогда примчались танки, это было в овраге, и это были наши танки... повсюду лежали наши раненые и мертвые; патроны и ручные гранаты валялись там же, и наша, и неприятельская артиллерия палила по нас. Я не знаю, собственно, немецким ли снаряжением, или русским мне оторвало руку.

Доктор Клемм (*быстро*). Конечно, единичные случаи нечего принимать в расчет, даже нельзя! Да и детали не так уж важны. Существенно, что командование жестоко держало поводья в руках и планомерно отводило вас от противника!

Доктор Ваннер. «Планомерно отводило от противника»? (*Захваченный воспоминаниями.*) Н-да, если было планомерно, что повсюду кучами лежали наши раненые и кричали о помощи, тогда как обоз и штабы давно уже удрали, если планомерно было приказание идти вперед, держать позиции до последнего человека и до последнего патрона, в то время как генералы бежали...

Доктор Клемм (*резко*). Это же звучит прямо...

Доктор Ваннер (*с растущим волне-*

нием). Конечно, это звучит нехорошо. Но это правда, голая правда! Командование? Мой командир полка мыкался по доту, передний край обороны был прорван, в ротах осталось не более пятнадцати-двадцати человек, раненные и нераненные потоком бросились наутек. Тогда полковник приказал установить пулемет и открыть огонь по своим людям, которые не хотели больше идти вперед...

Доктор Клемм (*вскочив*). Да ведь это неслыханно!

Доктор Ваннер. Да, это было неслыханно, позор, предательство!

Г - жа Ваннер. Пауль!

Доктор Клемм (*дрожа от злости*). Ты лжешь! Все это сплошная ложь!

Лили (*с трудом сдерживаясь*). Тогда, коллега, вероятно, то, что сегодня утром вам рассказывал сапер Эйзенлор, как немецкие раненные лежали в овраге и как свои танки неслись по ним, тоже ложь?

Доктор Клемм. У вас есть все причины, чтобы вмешиваться.

Лили. Да, конечно, у меня есть некоторые причины для вмешательства! Есть вещи, которые меня очень касаются... меня, и вас, и всех нас!

Дядюшка Эйген. Верно! (*Клемму.*) И

Об этом дядюшка Эйген особо с тобой победует, в специальном коллоквиуме.

Доктор Ваннер. Что случилось здесь?

Лили. Ничего особенного, кроме того, что происходит повсюду. Если, например, кто-нибудь рассказывает здесь, что он видит или что с ним случилось, значит, — это ложь. Если кто-нибудь на фронте видел, как командир приказывал стрелять из пулеметов в своих, — это ложь. Если кто-нибудь видел, как раненые были смяты своими танками, — это ложь. О, можно было бы рассказать еще и о других. Как люди жили на волосок от смерти, как иностранных рабочих губили на операционном столе, и еще многое, — это ведь тоже была бы ложь, не правда ли, коллега Клемм?

Доктор Клемм (*кричит*). Вы за это ответите!

Лили (*в явном возмущении*). Вы ответите в один прекрасный день, вы! Или вы, действительно, думаете, что раздавленные в овраге, расстрелянные в окопе, замученные чужестранные рабочие в известной вам клинике могут быть спрятаны под саванами? Вы думаете, что миллионы умерших и убитых будут тихо лежать под землей?

Все вскочили, пытаются удержать Лили.

(Освобождается и подходит вплотную к доктору Клемму.) Что можно оболгать человека в смерти или небытии? Нет, кровь всех этих существ начнет бродить и пениться под землей, и их разложившиеся останки превратятся в опасный порошок, который с силой динамита взорвет и разнесет на атомы всю корку лжи!

Доктор Клемм *(истерически.)* Динамит! Все ясно! *(Убегает.)*

Г-жа Ваннер *(ему вслед.)* Господин штабной врач, я прошу вас...

Эрика. О, боже! Он обо всем донесет гестапо!

Дядюшка Эйген. Но прежде дядюшка Эйген побеседует с ним. Не беспокойтесь, дети, от этого мы нескоро еще свалимся с печной трубы. *(Уходит налево.)*

Доктор Риттер *(смущенно.)* Я ничего не понял, вообще ничего не слышал, и вы тоже, фрейлен Эрика, вы тоже ничего не слышали. Пойдемте! *(Быстро уходит с Эрикой.)*

Лили стоит справа у дивана.

Доктор Ваннер *(пошел налево, словно хочет кого-то еще остановить там, потом медленно возвращается к Лили).* Что это было?

Лили. Пауль, прости меня, но я не могла...

Доктор Ваннер (*все еще расстроенный*). Да, да, Лили, ты права, совершенно права... Я не должен был бы рассказывать.

Лили. Ты должен был рассказать, так же как и Эйзенлор! Тебе стоило бы сегодня послушать его. Он тебя видел в овраге... а теперь он лежит в изоляторе!

Доктор Ваннер. По приказу Ганса?

Лили. Как и сын Биркле, которая крикнула в лицо штабному врачу, что он убийца! Пауль, время молчания прошло... (*тихо*) ...и для меня, Пауль...

Доктор Ваннер. Как?

Лили (*нервно*). Мы об этом после поговорим, Пауль, после! Ты видел, как только что умчался Клемм, возможно, он побежал в гестапо...

Доктор Ваннер (*взволнованно*). Если нас арестуют и мы никогда не сможем об этом поговорить...

Лили (*с растущим беспокойством*). Сейчас некогда, Пауль!

Доктор Ваннер. Нет, нет, для этого у нас должно найтись время, слышишь, Лили, это самое главное. Что случилось, о чем ты тогда не могла мне сказать?

Лили (*глядя на него*). Да, Пауль, я тогда не все сказала, не смогла сказать. Выслушай меня спокойно. Ты помнишь французских рабочих, которых мы увольняли, как не способных к работе?

Доктор Ваннер. Я же сам подписывал результаты осмотров.

Лили. Ты подписывал фальшивые результаты, Пауль. На пленках тяжелых заболеваний немецких пациентов я ставила сигнатуры французских больных, чтобы они могли вернуться на родину.

Доктор Ваннер. Значит, ты придумала этот способ для спасения своих соотечественников?

Лили. Да.

Доктор Ваннер. И ты не доверяла мне тогда?

Лили. Я все время хотела тебе об этом сказать, Пауль, все время. Это готово было сорваться у меня с языка. Помнишь еще, в последний день, когда ты подписывал заключения и я просила у тебя несколько минут для спокойной беседы...

Доктор Ваннер (*кивает*). И я сказал, что у меня нет времени...

Лили. И потом вечером, когда я умоляла тебя выслушать меня, ты это помнишь?

Доктор Ваннер. Каждое слово.

Лили. Может быть, ты в самом деле не мог меня выслушать!

Доктор Ваннер (*сдерживаясь*). Я не хотел тебя слушать, я посмел тебе сказать, что не понимаю твоей истерики. О, Лили, сотни раз я слышал на фронте в долгие тихие зимние ночи эхо своих слов. Видел тебя стоящей рядом со мной, как тогда, твое лицо — такое нежное, решительное, страдающее, горящее одной мыслью. Ах, Лили, если бы я тогда хоть пять минут послушал твой милый человеческий голос!

Лили. Ты бы меня понял тогда, Пауль?

Доктор Ваннер (*задумчиво*). Тогда... да, тогда я еще думал, что мое место врача, хирурга, немца на фронте. Но я оказался там бессмысленным инструментом для еще более бессмысленной операции! И то, что я там видел, как немец, и, видя, молчал, сделало меня соучастником преступления. Я получил достойное возмездие.

Лили. Пауль, ты же поехал только как врач...

Доктор Ваннер. Как врач... да... но я наблюдал все это, а допускать преступление — это значит участвовать в нем. Бесполезно утешаться тем, что я был только вра-

чом. (Смотрит на нее.) Ты была тут настоящим врачом, Лили, ты спасала жизнь своим, ты была лучшим врачом, лучшим патриотом!

Лили. Это говоришь ты, Пауль?

Доктор Ваннер (со сдержанной страстностью). Это говорю я и хочу сказать еще больше! Во имя чего я оставил свою руку на фронте? Разве этого мало? И разве пустяк, что даже таких калек, как Эйзенлора и сынишку Биркле, швыряют в изолятор, если они пытаются сказать хоть часть правды? Стоит ли еще воевать за это и позволить искромсать себя в куски? Можно ли молчать?

Лили. Что ты хочешь делать, Пауль? Ты должен понять...

Доктор Ваннер. И ты должна меня понять, Лили, хоть раз понять меня глубоко, может быть, сейчас ты сможешь правильно понять... Сегодня я сам поступил бы так же, как поступала тогда ты.

Лили (обнимая его). Пауль!

Пауза.

Доктор Ваннер. Этот долгий, долгий, бессмысленный путь...

Лили. Нет, не бессмысленный, Пауль, если он привел к цели! (Вдруг.) И все же мы еще не у цели! Послушай меня, Пауль,

ли бы нас арестовали, ты не знал бы, что подделывала сигнатуры на пленках, не знал бы правды! Я обманывала тебя, это правда.

Доктор Ваннер. Эта правда уже перегала быть обманом.

Лили. Тише, Пауль, тише, мы должныйти отсюда!

Доктор Ваннер (*удерживая ее*). Ещеять минут, Лили. Подари мне теперь этиять минут, в которых я тебе тогда отказал! (*Тихо.*) Знаешь, любимая, что иногда звучаю у меня в ушах на фронте, когда я думалю тебе?

Лили. Что?

Доктор Ваннер. Песня твоей родины, которую ты пела на прощальном вечере. У меня было одно желание, Лили.

Лили. Какое?

Доктор Ваннер. Спой мне еще раз ту песню.

Лили. Ах, любимый!

Доктор Ваннер. Тогда была зима, а теперь в саду благоухают цветы и стрекочут кузнечики... мы откроем окно, и тогда ты мне споешь!

Лили (*удерживает его*). Постой, Пауль, постой! Окна должны быть затемнены от

самолетов. Кроме этого, все может быть по-твоему, все, мой любимый! *(Начинает петь тихо и страстно.)*

Combien j'ai douce souvenance
Du jolli lieu de ma naissance
Ma soeur, qu'ils étalent beaux ces jours
de France,
O mon pays, salt mes amours—toujours.

Доктор Ваннер *(положив ей на плечо левую руку)*. Ведьмочка, любимая...

Лили *(вскочив)*. О, Пауль, теперь ты должен все знать: как штабной врач, твой друг Клемм преследовал меня, как он еще сегодня обнимал меня.

Доктор Ваннер. Лили!

Лили. Да, да, Пауль, он пытался, но ничего не добился, верь мне, Пауль. Конечно, мне было страшно. У него власть, и, кроме того, он знает о пленках, о нашем саботаже. Это опаснее всего для тебя и для меня!

Доктор Ваннер. И для него! *(Хочет уйти.)*

Лили *(задерживает его)*. Спокойно, любимый! Ты хочешь бороться против эсесовцев? Иль ты забыл, что ты рассказал сейчас и как он умчался? Каждую минуту может появиться гестапо! Мы не можем здесь оставаться, мы должны бежать, Пауль!

Доктор Ваннер. Я остаюсь! Сперва должен быть оплачен этот счет.

Лили. Потом, Пауль. Сегодня у нас нет силы для этого.

Доктор Ваннер. Ты думаешь потому, что мы окружены врагами и трусами, или потому, что я получеловек — без руки?

Лили (*испуганно*). Что ты говоришь, любимый!

Доктор Ваннер (*в отчаянии*). Может быть, потому, что хирург без правой руки — больше не человек...

Лили (*быстро*). Ты будешь работать как терапевт, любимый, вместе со мной! Разве терапевт — не врач?

Доктор Ваннер молчит.

Хирургия бросила тебя на фронт и вновь привела сюда. Я часто думала, почему так должно было случиться, и не находила никакого ответа. Теперь я вижу — ты потерял много, но приобрел взамен большее сокровище! Ты стал другим!

Доктор Ваннер. В каком смысле?

Лили. В том, что мы, наконец, можем полностью глубоко понять друг друга... (*тихо*), что ты стал таким, что ты захотел слушать песню моей родины.

Доктор Ваннер (смотря на нее). Как ты красива, Лили... как страшно красива...

Лили. Страшно красива?

Доктор Ваннер (страстно). Я хотел бы тебя крепко прижать к себе. Дни и ночи я об этом мечтал на фронте, мне хотелось тебя взять на руки, как прежде, обнять тебя со всей силой...

Лили. А если это сделаю я! (Обнимает его.) Верь, любимый, несмотря ни на что, именно теперь только начинается наша жизнь...

Вдруг вторгается сигнал сирены, усиливаясь затем до рева.

Самолеты!

Г-жа Ваннер вваливается с чемоданчиком и одеялами.

Г-жа Ваннер. Пауль! Лили! Разве вы не слышите? Все в бомбоубежище! Захвати с собой чемодан с ценными вещами, Лили! Где же Эрика? Пауль, идем, идем! (Убегает.)

Доктор Ваннер идет налево.

Лили. Куда ты?

Доктор Ваннер. Я иду в клинику.

Лили (мгновение соображая). Так, вероятно, и должно быть. Пойдем! (Уходит с ним.)

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кабинет врача ночью вскоре после бомбардировки. Уже слышны последние сигналы отбоя. Слева быстро ходят Фейхтенбейнер с противогазом и большим электрическим фонарем, пристегнутым спереди к куртке, и три эсесовца с карабинами наперевес. Один из них вахмистр.

Фейхтенбейнер. Даже после отбоя тревоги больные похожи на стадо взбесившихся обезьян!

Вахмистр. Горит весь центр города...

Первый эсесовец. Люди мыкаются повсюду, как помешанные...

Второй эсесовец. Один крикнул: «Да здравствует Гитлер! За это мы должны быть благодарны фюреру!»

Вахмистр. Это раненые с востока.

Фейхтенбейнер. Не только они. Чтоб тут у меня был глаз да глаз за французами. Если кто-нибудь скажет хоть одно слово, даже если вы и не поймете французскую болтовню,— для чего вам ваше оружие? Без долгих церемоний! Так ориентировочно обстоит дело!

Вахмистр (*помахивая револьвером*). Одну такую французскую свинью я уже уложил, такого молодчика, который долго что-то орал!..

Фейхтенбейнер. В порядке! Ступайте немедленно с двумя вашими людьми вниз, в подвал, там железная дверь с надписью: «Лаборатория». Притащите мне лаборанта, по возможности, живым!

Вахмистр. Слушаюсь, господин инспектор! (*Хочет уйти вместе с двумя эсесовцами.*)

Входит доктор Клемм.

Доктор Клемм (*вахмистру*). Подождать здесь!

Вахмистр с рядовыми эсесовцами становится на пост за дверью.

Я считаю, господин инспектор, что важнее немедленно браться за другое дело! Доктор Ваннер и его жена сегодня вечером у себя дома делали такие неслыханные замечания по адресу нашего командования...

Фейхтенбейнер. Очень рад, что вы, наконец, это заметили, господин штабной врач!

Доктор Клемм. Что это значит?!

Фейхтенбейнер (*пристально глядя на него*). Это значит, господин штабной врач, что в вашем отделении некая фрау доктор уже в течение месяцев обменивала рентге-

повские пленки больных французов на пленки немецких пациентов с тяжелыми заболеваниями, лишая таким способом наши военные заводы рабочей силы.

Доктор Клемм. Не пройдет и часа, как я арестую доктора Ваннера и его супругу!

Фейхтенбейнер *(холодно)*. Здесь вы ничего не будете делать.

Доктор Клемм *(кричит)*. Вы с ума сошли! Здесь распоряжаюсь я!

Фейхтенбейнер. Вы ошибаетесь, господин штабной врач. *(Показывает ему удостоверение гестапо.)*

Доктор Клемм *(съезживаясь)*. Этого я не мог предположить!

Фейхтенбейнер. Так ориентировочно обстоит дело.

Доктор Клемм *(уставясь на удостоверение)*. Гестапо! Служба наблюдения!..

Фейхтенбейнер. Не намерены ли вы орать еще громче? Это дело с Ваннером принадлежит мне. Мне одному, понятно? Также, как и дело Гастона Брюера! *(Вынимает из кармана дневник Эрики.)* Вот улика: дневник этой маленькой влюбленной утки, с подслушанными разговорами саботажников, и рядом — ваше посвящение, господин штабной врач.

Доктор Клемм (*потрясенный*). Нельзя ли удалить эту страницу?

Фейхтенбейнер (*снова пряча дневник*). О, нет, господин штабной врач, это бросится в глаза и не улучшит вашего положения ни в коем случае. (*Цинично.*) Наоборот, это может дать повод к предположению, что как раз на этой странице были записи о ваших интимных отношениях с фрау Лили...

Доктор Клемм (*крайне взволнованный*). Покажите, господин инспектор, покажите!

Фейхтенбейнер. ...что врач штурмового отряда СС находится в сетях французской саботажницы.

Доктор Клемм (*схватился за свой револьвер*). Собака!

Фейхтенбейнер (*наводит на него свой револьвер, по способу гангстеров, сквозь брючный карман*). Идиот! Я влеплю тебе в живот целую серию пуль, прежде чем твоя черепушка догадается, что тут происходит! Так ориентировочно обстоит дело!

Эрика входит в приемную.

Ступайте сейчас с группой СС в изолятор, чтобы вновь прибывшие раненые не учиняли там свинства! Двоих людей — к лаборатории!

Доктор Клемм (*покорно*). Я думаю, господин инспектор, мы оба одинаково заинтересованы, чтоб здесь царил порядок!

Доктор Клемм быстро уходит с двумя эсесовцами. Вахмистр занимает пост в приемной. Эрика входит в кабинет главного врача и идет взволнованная к Фейхтенбейнеру.

Эрика. Мой дневник, господин инспектор, отдайте мне его!

Фейхтенбейнер. Что вы хотите от меня?

Эрика. У вас он — мой дневник?!

Фейхтенбейнер. Я думаю, фрейлен Эрика, ваша головка несколько пострадала от бомбардировки!

Эрика (*вне себя*). У вас дневник! Ритгер меня не обманывает!

Слева торопливо входит доктор Ритгер.

Доктор Ритгер (*в большом беспокойстве*). Простите, если помешал...

Фейхтенбейнер (*наступая на него*). Ты как будто явился на зов, свинья! (*Хватает его за горло.*) У, падаль, просвистал дело! (*Бьет его кулаком по лицу.*)

Эрика (*набрасываясь на него*). -Мой дневник, вы, скотина!

Фейхтенбейнер (*отшвыривая ее*). Часовой!

Слева входит вахмистр.

(*Указывая на доктора Риттера.*) Это один из предателей!

Доктор Риттер (*дрожа всем телом*). Но, ради бога, господин инспектор, ведь именно я дал вам все в руки... разве вы забыли, что обещали мне, господин инспектор?!

Фейхтенбейнер. Разве я тебе что-нибудь обещал, идиот? (*Вахмистру.*) Немедленно прикончить свинью! В пять минут! Там, в саду!

Доктор Риттер (*вскрикнув*). Но, господин инспектор, это же невозможно!

Вахмистр (*с револьвером в руке*). Шагай, моя птичка, я хочу тебе показать, что все возможно! (*Тащит его за собой.*)

Эрика (*оцепенев*). Что случилось? Я уже больше ничего не понимаю... (*Вдруг.*) Господин доктор! Господин доктор! (*Убегает вслед за Риттером.*)

Фейхтенбейнер подходит к письменному столу, роется в больничных листках и пленках, прислушивается.

Слева входит дядюшка Эйген.

Дядюшка Эйген. Эйзенлор отказывается возвращаться в изолятор, другие ра-

ненные тоже. Там убийство и смертная драка!

Фейхтенбейнер. Разве штабной врач не там?

Дядюшка Эйген. Именно поэтому! Он зовет эсесовцев и собирается всерьез открыть стрельбу. Идите туда!

Слышен выстрел.

Чорт! Это в изоляторе! *(Хочет увлечь за собой Фейхтенбейнера.)*

Фейхтенбейнер. Прочь руки! Это было в саду.

Дядюшка Эйген. В саду? Вы не видели доктора Ваннера?

Фейхтенбейнер. А вы думаете, он там внизу и произносит длинные речи?

Дядюшка Эйген. Если он там, это будут очень короткие речи.

Дядюшка Эйген быстро уходит, в то время как входит вахмистр.

Вахмистр *(докладывая)*. В порядке! Я сразу же выбросил птичку через забор на улицу. Одним словом, клинике с этим делом возиться не придется.

Фейхтенбейнер *(удовлетворенно кивает)*. Видать, ты мастак. Выучка есть выуч-

ка! Я обещаю тебе — ты убьешь огромного бобра!

Слева входят доктор Клемм, доктор Ваннер
и Лили.

Доктор Клемм (*резко*). В самом деле, ты еще осмеливаешься являться в клинику! Это уж слишком!

Доктор Ваннер (*Фейхтенбейнеру*). Господин инспектор, мы позже найдем время для приветствий. Известно ли вам, что многие тяжело раненные, прибывшие вчера вместе со мной, заперты, как пленные, в изолятор?

Фейхтенбейнер. Вы слишком беспокоитесь об этих раненых, господин главный врач. Некоторые из них, хотя и потеряли на фронте ногу или глаз, приобрели взамен одного языка десять чрезвычайно болтливых языков... излишне болтливых...

Доктор Ваннер (*твердо*). Правда ли, господин инспектор, что и безногого Эйзенлора хотят запереть туда же?

Фейхтенбейнер. Хотят? (*Доктору Клемму.*) Разве дело не сделано?

Доктор Клемм. Оно было бы сделано, если бы доктор Ваннер не вмешался и не подстрекал бы раненых!

Лили. Когда мы туда пришли, там уже царило такое волнение...

Фейхтенбейнер. Вас не спрашивают! Молчите!

Доктор Ваннер. Что вы себе позволяете!

Фейхтенбейнер. Я себе еще немного больше позволю, господин врач. Вы, например, не выйдете из этой комнаты! Вахмистр, поставьте снаружи двойную охрану!

Вахмистр выходит.

Так ориентировочно обстоит дело. А фрау доктор будет столь любезна пока составить вам компанию, на это есть некоторые причины, полагаю...

Внезапно гаснет свет. Голоса из темноты: «Что случилось?» «Саботаж! Короткое замыкание!» «Пауль, где ты?» Фейхтенбейнер и доктор Клемм быстро зажгли свои электрические фонари.

(С револьвером.) Никто не выходит из комнаты! (Доктору Клемму.) Вы мне за это отвечаете! Я на несколько минут спущусь в подвал! (Уходит.)

Короткая пауза.

Доктор Ваннер. Вы думаете я даль-

не проявлять героизм по отношению к раненым?

Доктор Клемм. Я думаю, твоя жажда знаний скоро будет удовлетворена, как только сюда попадет дневной свет!

Лили. Вы подразумеваете и другие ваши героические поступки?

Доктор Клемм (*нервничая*). Ваши намски совершенно не интересны.

Лили. Я думаю, люди, которых вы здесь оперировали по своему методу, французские рабочие, которым вы «давали уроки», несмотря ни на что, заслуживают определенного интереса.

Доктор Клемм. Наш интерес к французам равен нулю.

Лили (*в шпор*). Но не ко всем людям французского происхождения!

Доктор Ваннер. Об этом мы еще поговорим с глазу на глаз!

Доктор Клемм (*нерешительно*). А, и ты, вероятно, читал дневник твоей сестры? Я плюю на эти смешные записи...

Лили (*агрессивно*). Которые вы старались истолковать по-своему!

Доктор Клемм. Выдумки чрезмерно возбужденного мозга девчонки...

Лили. Об этом может быть и другое мнение!

Доктор Клемм (*смущенный*). Вы говорили с инспектором?

Лили. С кем я об этом говорила — вы узнаете! Если это станет известно...

Доктор Клемм. Но ради всего на свете, что случилось? Что я сделал, коллега? Это было бы полнейшим безумием, если из-за этого дневника, из-за некоторых записей о саботаже...

Лили. Которыми, как вы сами знаете, сегодня очень интересуется известное учреждение. Все находится в моих руках. Записи этого дневника могут быть усилены или ослаблены моими показаниями. (*Глядя в глаза.*) Я вам говорю, если даже нас и схватят, я не боюсь ничего и прежде всего — правды! Если же нам будут зажимать рты, то вы уже сейчас должны знать, что не всем, кто хочет пролить свет на истину, можно зажать рот!

Доктор Клемм (*с растущим беспокойством*). Но кто же хочет вам зажать рот, коллега? И кто может проявлять интерес к моему, может быть, чрезмерно галантному отношению к вам. Я боролся против тех, кто набрасывает петли на шею ценным людям,

нам, врачам, которые сейчас нужны десяткам тысяч раненых, как насущный хлеб...

Лили (*глядя на него*). Вы, врач, убивали людей!

Доктор Клемм. Я — не хирург, я знаю. Но даже лучший хирург — не бог. Правда, Пауль? Бывают профессиональные ошибки...

Доктор Ваннер. И бывают повадки палача, который тяжело раненного Эйзенлора кидает в изолятор и из клиники собирается делать концлагерь!

Доктор Клемм. Ничего подобного, Пауль, ничего подобного! Наоборот, я хотел избежать того, чтобы Эйзенлор в припадке возбуждения болтал при всех, что ему в голову взбредет. (*Жалобно.*) Ты ведь знаешь, Пауль, что я сам под наблюдением, что Фейхтенбейнер — инспектор... (*Испугавшись.*) Нет, нет, какое отношение ко всему этому имеет господин инспектор?

Лили (*вдруг осознав*). О, я все же думаю, что он имеет ко всему этому некоторое отношение. Иначе почему бы он мог сейчас вам, главному врачу, отдать приказ охранять нас? Он хочет нас арестовать? Скажите правду. Это последний ваш шанс.

Доктор Клемм (*свежившись*). Боже

мой, хочет ли он арестовать вас или меня или нас всех,—кто может это знать! Ведь всюду кто-нибудь да торчит за нашей спиной.

Доктор Ваннер. Вот как выглядит дело? И это еще нужно защищать? За это наш народ должен там проливать кровь?

Доктор Клемм. Видишь, Пауль, вы думаете, что на фронте стоите одной ногой в гробу? Но и здесь у каждого из нас печать смерти на лбу, не правда ли, коллега, вы же сами видели...

Ли ли. И прежде всего у вас!

Доктор Клемм (*окончательно подавленный*). Я уйду отсюда, я скажусь больным, уеду в горы, я же вам обещал, коллега, разве вы не помните... Что мне до всего этого? Каждый человек однажды в жизни ошибается, не правда ли? Впоследствии я основательно займусь хирургией, чтобы избежать профессиональных ошибок. Эта вечная политика не дает возможности заниматься наукой. Это же ясно...

Ли ли. Вы должны исчезнуть отсюда! Немедленно!

Доктор Клемм. Я готов... Как врач, вы можете удостовериться, что я страдал здесь из-за постоянной перегрузки, что я со-

вершено изнемог, а теперь еще эти бомбардировки... **настоящий** нервный шок...

Слева ~~вваливается~~ эсесовец.

Эсесовец. Господин инспектор... он сгорел в подвале!

Доктор Клемм (*схватив его*). Сто- рел?!

Лили. В подвале? В лаборатории?

Эсесовец. Когда мы спустились вниз, железная дверь была заперта, но внутри, мы слышали, кто-то грохотал, как телега, потом сквозь дверь пошел густой чад...

Лили. Он сгорел там!..

Эсесовец. Господин инспектор кричал: «Открыть! Инспектор Фейхтенбейнер приказывает вам: «Немедленно открыть!» Тогда внезапно распахивается дверь, за ней сплошной огонь и дым, какой-то парень наваливается на нас, хватает инспектора и моего товарища и вталкивает туда...

Доктор Клемм. И ты, свинья, убежал?

Эсесовец. Парень был как бешеный чорт!

Лили. Они сгорят вместе... (*Хочет уйти.*)

Доктор Клемм (*угрожая револьвером*). Остаться здесь!

Доктор Ваннер *(ему)*. Если больница загорится...

Доктор Клемм. Назад! *(Эсесовцу)*. Если кто-нибудь из этих двух только пошевелится, стреляй их гуртом!

Эсесовец берет наизготовку карабин.

А, он сгорел, этот инспектор... с дневником. *(Паулю и Лили.)* Вы оба арестованы!

Доктор Ваннер *(бросаясь на него)*. Ты — подлец!

Лили *(удерживая его, прислушивается)*. Раненые бьют тревогу. Они разбегаются!

За сценой шум.

Доктор Клемм *(эсесовцу)*. Запереть коридор! Половину караула — сюда! Другая — загоняет банду обратно в изолятор! При малейшем сопротивлении применять оружие! Действуй!

Эсесовец быстро уходит.

Доктор Ваннер. Так, значит, это вы?

Лили. Что вы нам обещали еще пять минут назад?

Доктор Клемм *(хохоча)*. Раз вы такие болваны, чтоб поверить этому!

Доктор Ваннер *(наступая на него)*. Лгун! Убийца!

Доктор Клемм (*толкнул Ваннера к столу, направив на него револьвер*). Ты сейчас станешь тихим!

Лили, бросаясь на него, изо всей силы ударяет по руке, держащей оружие. Выстрел. Доктор Клемм, смертельно раненный, падает на пол. Лили выхватывает у него револьвер.

А... вы этого хотели... мадам?.. (*Умирает.*)

Лили (*тихо*). Да, сейчас я этого хочу! Потому что с вами нельзя говорить, вас надо уничтожать!

Доктор Ваннер. Лили!..

Слышны голоса. Быстро входит дядюшка Эйген.

Дядюшка Эйген (*смотрит на Лили, стоящую с револьвером в руках*). А, вы уже сами получили сатисфакцию. Но это еще не все!

В приемной появляются вахмистр и эсесовец с направленным в коридор карабином и револьвером. Из коридора слышен голос Эйзенлора: «Стреляйте в безногого сапера Эйзенлора, вы, бандиты! Я раздавлю вас всмятку моим костылем!»

Доктор Ваннер (*схватил левой рукой табуретку*). Одна рука все же еще что-нибудь значит! (*Хочет идти.*)

Дядюшка Эйген (*удерживая его*). Останься, мой мальчик! Ясная голова и не падать с печной трубы! (*Отбирает револьвер*)

у Лили.) Pardou, madame. Держите выше фонарь! *(Кричит, подбегая к двери, держа револьвер по-своему—левой рукой под правую,—целится, кричит.)* Эйзенлор, ложись! Все раненые, ложись! Быстро! Быстро! *(Стреляет.)*

Вахмистр падает. Эсесовец поворачивается на выстрел, хочет стрелять, но его настигает вторая пуля дядюшки Эйгена, и он валится на вахмистра.

Эйзенлор *(ковыляя из коридора)*. Дядюшка Эйген? Гром и молния!

Раненый *(появляясь)*. Собаки больше не будут кусаться!

Дядюшка Эйген. А вы теперь не будете лаять понятно! Вы ничего не видели и не слышали!

Эйзенлор. Молчим, как гробы!

Раненый. Можете на нас положиться!

Оба быстро уходят.

Лили отдергивает черную занавеску на окне. Видны деревья. Над городом густой дым пожара и огненное зарево.

Лили. Пауль, мы должны бежать! Немедленно!

Дядюшка Эйген. Да, дети, пока это огненное чудо вас прикрывает.

Доктор Ваннер. Бежать? Теперь?

Вбегает Гастон.

Лили. Гастон!

Гастон. Мадам...

Лили. Гастон, вы живы? Это — чудо!

Гастон. Если сам немного играешь в чудотворца, мадам... Но теперь остается одно: скорее отсюда! Дрюмон погиб, застрелен там, внизу, во время возмущения раненых. Мы должны немедленно бежать, и господин главный врач тоже!

Доктор Ваннер. А я только что вернулся домой... в мою клинику.

Лили. Мы не должны здесь погибнуть. Пауль! Мы убегаем сегодня, чтобы вновь вернуться завтра...

Гастон (*останавливаясь на мгновение*). Только... что будет с нашими товарищами, которые ничего не знают и придут сюда?

Дядюшка Эйген. Дядюшка Эйген предупредит их. Теперь же давайте темп, дети!

Доктор Ваннер. Ты ведь идешь с нами, дядюшка Эйген? Безусловно!

Дядюшка Эйген. Молчи, мальчик! У дядюшки Эйгена здесь есть свои обязанности, если появятся новые пациенты, новые французы. Колонна, марш!

Гастон. Еще одно, дядюшка Эйген! Вы должны внушить людям, что это я стрелял здесь, наверху, — все равно я уже имею

двоих в подвале на своем счету. Дайте мне револьвер! Он может быть уликой против вас. Нам он еще пригодится!

Дядюшка Эйген *(отдает револьвер)*. Хорошо, хорошо, но теперь убирайтесь!

Лили. Дядюшка Эйген, не лучше ли бы вам все-таки с нами...

Дядюшка Эйген. Без лишних слов. *(Обнимает доктора Ваннера.)* Мой мальчик!

Доктор Ваннер *(идя к двери)*. Мы еще увидимся, дядюшка Эйген!

Дядюшка Эйген. *Sine dubio*¹, мой мальчик! Никакого сомнения. В час большого поединка, который здесь разыграется *(ослепает в воздухе два фехтовальных приема)*, при последней сатисфакции при великом расчете! Не беспокойся, мой мальчик! *(Выталкивает всех.)*

Пауза.

Не беспокойся — дядюшка Эйген и на этот раз не упадет с печной трубы!

Занавес

¹ Без сомнения.

Редактор М. ГОРЯЧКИНА

А-20378. Подп. в печ. 27/VI 1945 г.
„Искусство“ № 1759. Кол. печ.
л. 4⁸/₈. Уч.-изд. л. 4,72. В 1 печ.
л. зн. 36.456. Тир. 3000. Зак. 598.
Цена 4 р. 25 к.

Тип. „Красный печатник“, Москва,
ул. 25 Октября, 5

